

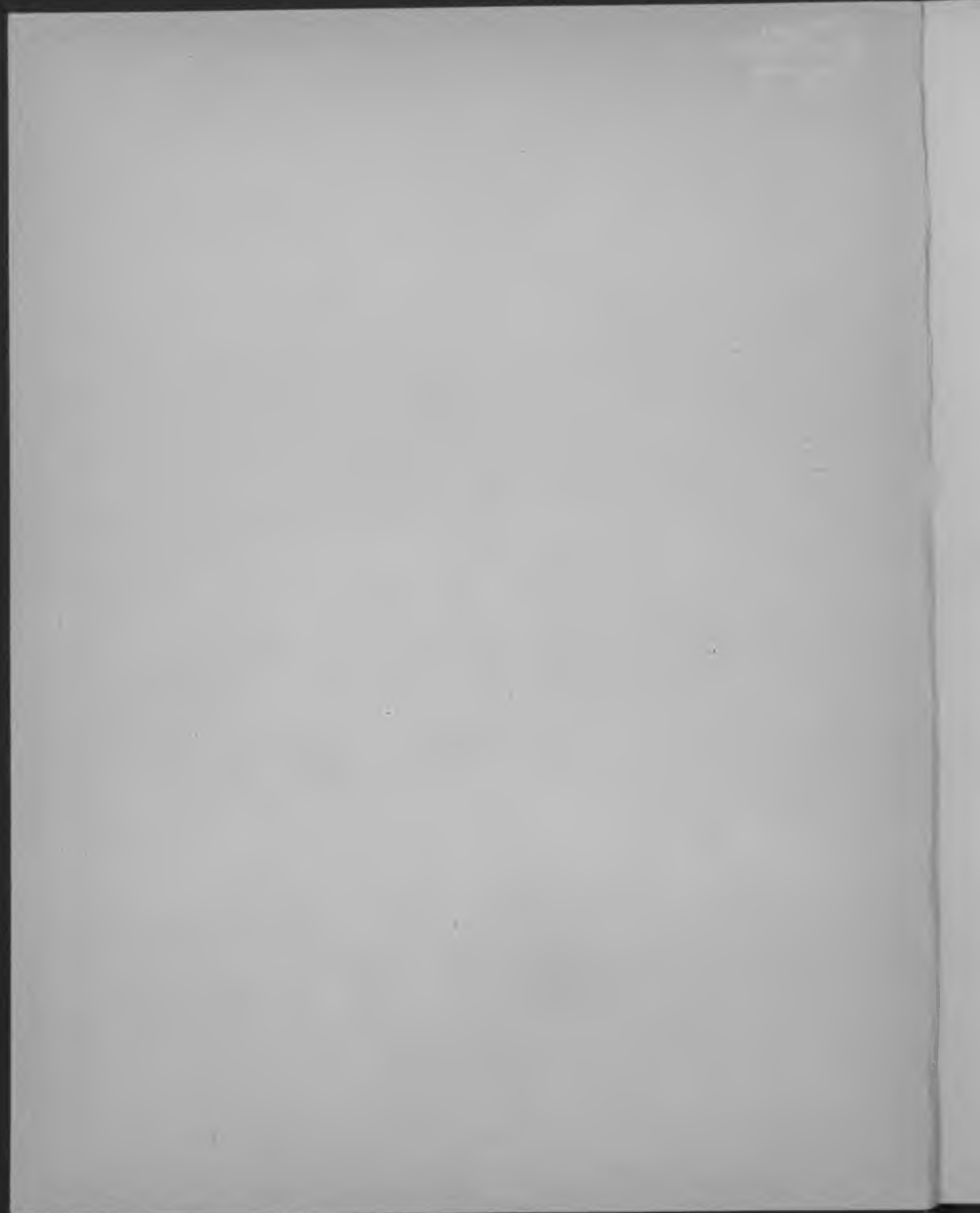
И. Д. ПАПАНИН

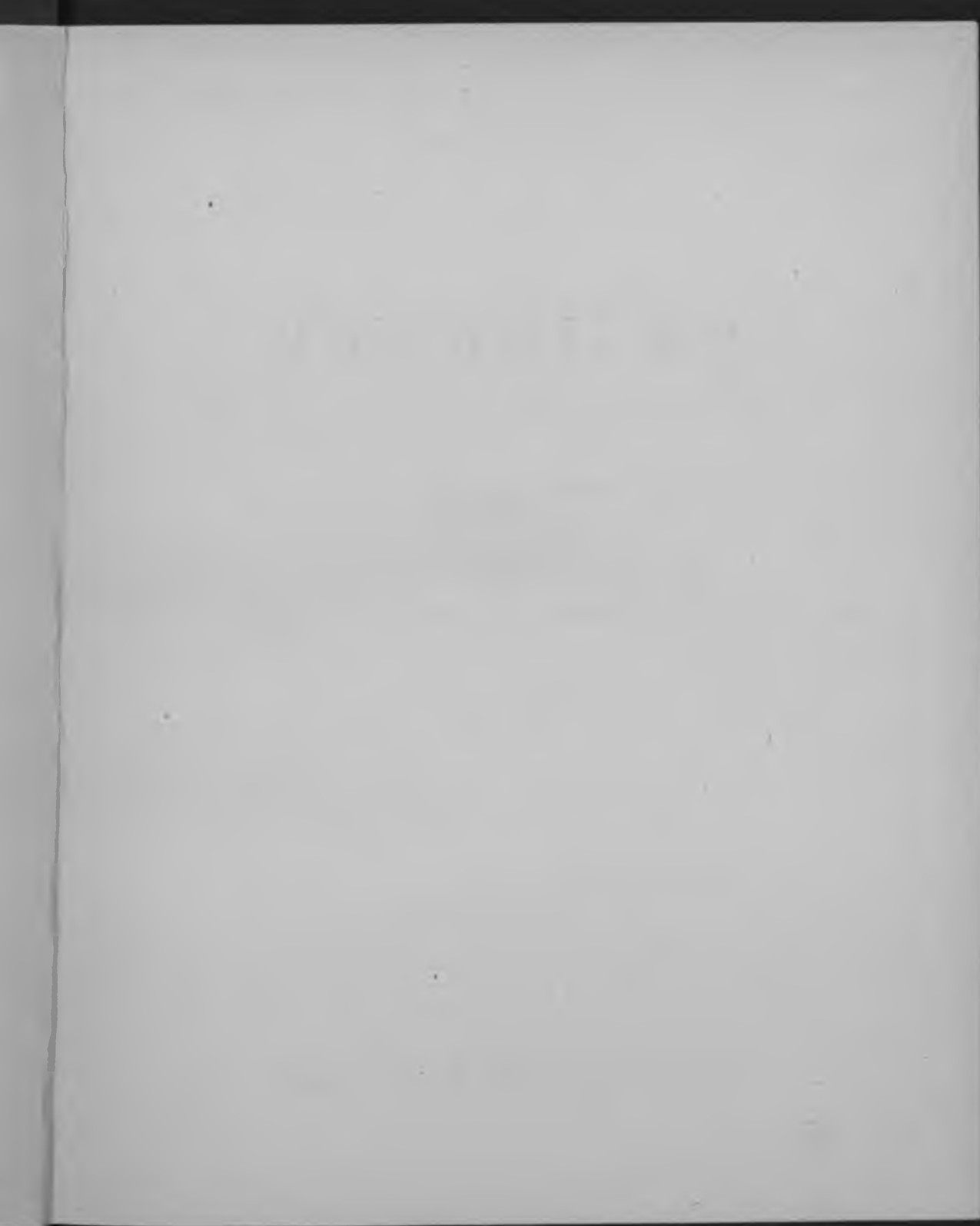
ПОЛЮСТ

участник 1940

И. Д. ПАПАНИН

НА ПОЛЮСЕ

Перевел на мансийский язык
И. ЛЕТКОВ

Под редакцией
П. ЧЕЙМАТОВА

Рисунки Н. КУЛИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР · ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1940

Мам.
3-4

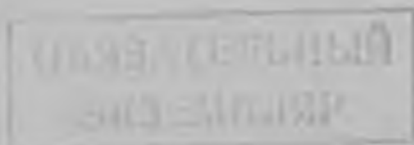
И. Д. ПАПАНИН

ПОЛЮСТ

И. ЛЕТКОВ томасьяста

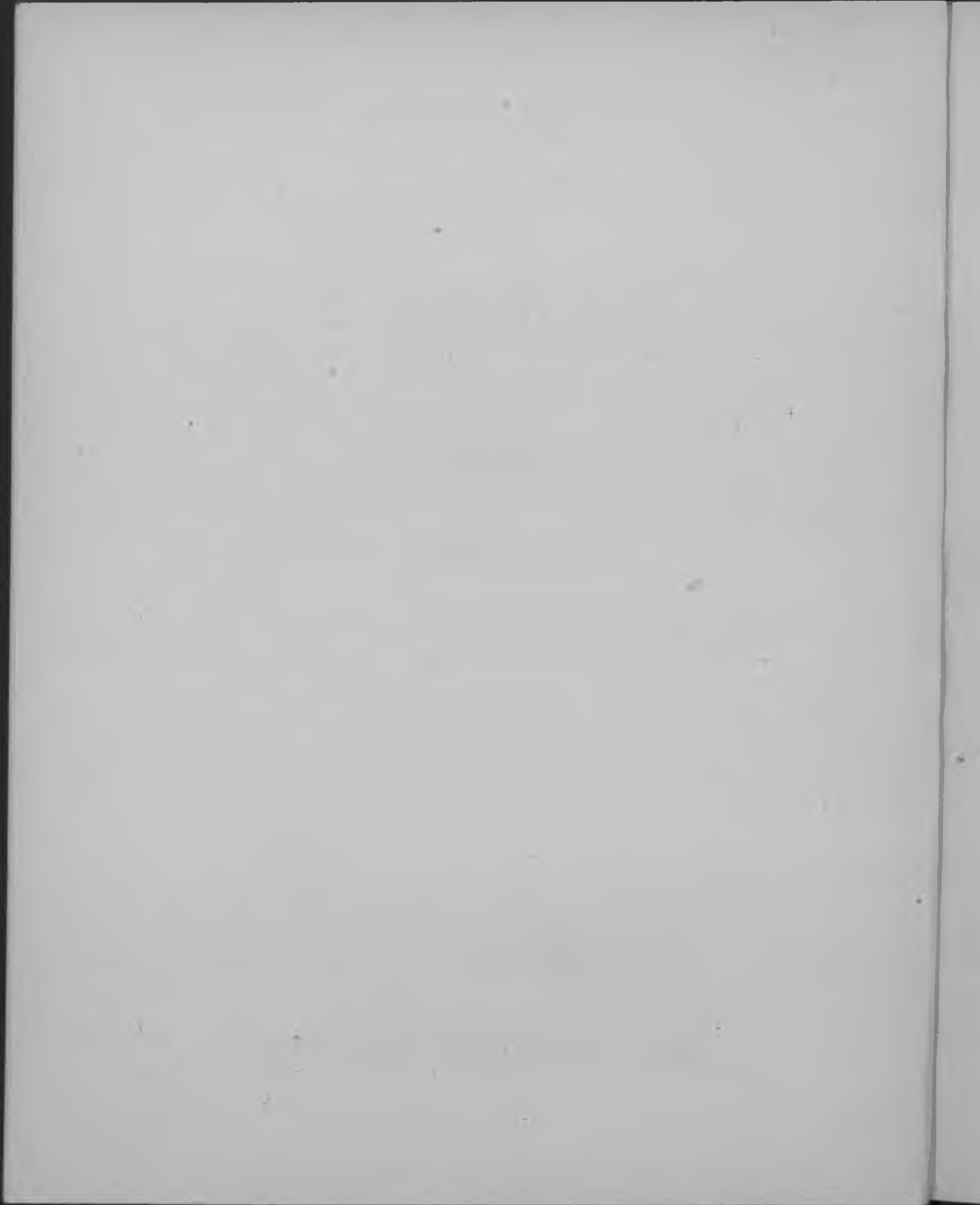
П. ЧЕЙМАТОВ редакторыг омыс

Н. КУЛИКОВ послимутыт послыс

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР · ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1940

НЯВРАМЫТ НУПЫЛ

Тиньнг няврамыт!

Нан нупылан сунсунгкве сака сягт. Нан тамле сотынг порат олиян! Няврамыг олнэн пора хунь номылматыглын, тонт тарвитынгыг емти.

Ам Севастополь уст, Черный сярысь ватат самынпатсум. Асюм матросыг олыс. Сянюм кораблит пувхатахтыглан мат тарвитынг парусыт юнтыс.

Нёлолов тал янит ам школан майвесум. Ам ёмасыкве ханисьтахтысум, сяр ёмас ханисьтахтын няврамыг школат олсум. Ханисьтахтунгкве сака тангхысум.

Нила класс арыгтаптим юи-палт, асюм анузн лавыс:

— Ти атим, Ванякве, школаныл нангын хот выглум. Нанг магыслын касынг тал ханисьтан магыс кит солковый ойтунгкве эри. Ам та

савит олн хотыл выглум. Нан ам палтылум хот няврам. Рупитангкве минэн, асен нётнэ хумыг емтэгын!

Анумн нэматыр варунгкве ат хультыс. Заводн рупитангкве та минасум. Ам токарь вармалин ханисътахтысум.

Рупота тарвитынгыг олыс. Овлэт тыглетувле кетсан няврамыг олсум. Хонгхан рет атим олыс, та хотпа анум тыгле-тувле кетыластэ. Тии магыс ам хотал сис туп лов олн сэлыглалсум. Ос тан ам нупылум ахрыгтасыт. Тов порат лавегыт:

— Ханисътахтын няврам, заклепка тыг-маен!

Ам заклепка молях нирымтилум, тав сяр исамыг оли. Ам люньсюнгкве патэгум, котралим туляовланумн сопыл пувегум. Ти порат мувлахумт тан ам нуплагум мувинтэгыт.

Сав ворынг вармаль олыс. Ман, ханисътахтын няврамыт, ватихал ратыглавесув.

Ам токариг аквти емтысум.

Тонылам хон армия флотын войвесум. Ам солдат олнэ казармат олсум. Казарма турман каснэ кол хурипаыг олыс. Тот люль ат, пангк, тэнут люль олыс. Матросыт офицерытн лявтвесыт, ратвесыт. Касынг мань вармаль магыс тан ман

чупылув хумус вермысыт, та сирыл ахригтасыт. Манав элмхоласыг ат ловинтасаныл. Номилум, аквматнакт, апсирисюм казарма похан хайтлыгтас, аnum тав палтэн вовнэ магыс хотал пал карта ави похат люньсис. Ам тав палтэн хунь ёхтысум, тав лави:

— Иван, сянюв сорумнпатыс.

Тав люньсялтас, ам ос люньсюнгкве патсум. Тав, люньсим, потырти:

— Иван, сянюв ман пиннэ хум атим, рамунгкве юв ёхтыгпалэн.

Ам начальник палт минасум, таве китыглахтэгум:

— Нанг благородие, сянюм сорумнпатыс, таве ёл-сёпитангкве аnum таратэлн!

Ат таратавесум! Хурум сёс сис ёл-сёпитангкве пойксясум, китыглахтысум. Юиовылт таратавесум, туп молях ювле ёнгхунгкве лаввесум. Сянюм пиннэ вонгха молямлим варсум, ювле казарман хайтыл хайтсум.

Сяр ёмас сот, ти оlnэ вармаль холас.

Революция ёхтыс. Хон ос сёлынг мир хот нявлувесыт! Войкан хорахсит ёт хонтлан вармаль овылтахтыс. Тан ман палтув хон ос генералыт власть ильпиыг варунгкве тахсыт.

Ам войкан хорахсит лялт сав хонтлахтысум; бронепоездыт варсув, комиссарыг, командирыг олсум. Анумн сав пилисьманг вармалит тара олунгкве ёхтхатыглас.

Акв сёс, ам юртхумиянум ёт войкан хонтыт юи-палт кони лёнгхныл миначум. Ман тот выгыр партизан отрядыт варсув. Ювле миннэ пора та кос ёхтыс, юв пасапан хал хонтунгкве сака тарвит олыс. Ам хурыгн пинвесум, тувыл колас хурыг паттыг наинг хапн алмтавесум. Колас Турциян тотвес, тот ам хурыгныл ласялакве кон-квалсум, тувыл сосса маумн паттыхатунгкве патсум. Урыт хосит ват нупыл акв хотал ёмсум. Осьнэ маснутанум, хасьлысыт, нуса хумыг емтсум. Усытт нянь вовсум. Лёнгх та кос тарвит олыс, аквти Советский Россиян ёхтысум. Усьлахтысум, тувыл ильпиыг фронтын миначум!

Войкан хонтыт Советский маныл сяма хот нявлимув юи-палт, ам Луи ман миначум. Тот анумн сака мустыс, ам матах мат кем тал сис тот тэлиясум.

Луи ман сяр элаль ос элнув паттыхатунгкве тахсум.

1937 тал порат ам номтум веськатыг тарапатыс. Ам полюст тэли сис начальникиг

олсум. Ман нила хум янгк тармыл онтолув
ёнгхуп олсув. Манав юртехум Сталин тув-кет-
санэ. Тав мим заданье ман товылтасанув.

Та кос заданиев товылтасанув, Луи мат рупо-
та ос сав оли. Нан, няврамыт, эрынгпыл, пусын
полярникыг емтунгкве касасиян, туп тии магыс
нанан нонгх-яныгмангкве, савнуб ёр атунгкве
ос сав сир вармалын ханисьтахтунгкве эри.

Тинынг няврамыт! Ханисьтахтэн, ханись-
тахтэн ос ханисьтахтэн. Лов классынг школа
арыгтаптим юи-палт ос вуз аступтэн. Луи ма
ёмасякве ханьсювлим мир вови. Таи магыс
нэпак ат ванэ мир ёт луи ма сака пилисьманг-
ыг сурумтахти. Ос ёмас ханьсювлим, культур-
ный мир тав ёмасякве встречайтиянэ. Тав
киврет мана савит сёл оньси, ман яныг роди-
наув магыс салитаттал пусын мыганэ!

СЭМЫЛ ПАЛАТКА

Ти вармаль 1937 тал порат олыс. Яныг лётчик Чкалов сака тарвит вармаль номылматыс — полюс улта Американ минунгкве.

Юртхум Сталин тавен лавыс, овлэт полюс ханисьтангкве эри. Тув сяр ёмас полярникыт кетунгкве эри. Тан мось вос олэгыт, пусын вос тарапаттэгыт, тот олнэ погода овылтит латынг вос кетэгыт. Тонт усь минунгкве та рови.

Юртхум Сталин ман маув сяр ёмас лётчиканэ атсанэ. Тав тан ётаныл потыртас: полюсн товлынг хапыл ёхтунгкве рови ман ати? Тот исунгкве рови ман ати? Полюст мось олунгкве рови ман ат рови?

Лётчикыт лавсыт:

— Рови!

Яныг лётчик Водопьянов сака касасяс. Тав потыртас:

— Ман палтув сав ёмас товлынг хапыт, ёмас лётчикыт олэгыт. Тан сэнгквыт, тулыт

тара, пилисьманг асирма ос турман эт порат товлынг хапыт тотунгкве вермегыт. Полюс мус тан ёхтэгыт, тот янгк тармыл исэгыт, тэлиян хумит тув хультуптияныл.

Това хотпат номсысыт:

— Янгк илттыг саквали ке?

— Ати, тот нотынг янгк, тав осынг!

— Товлынг хапыт тув ат ёхтэгыт ке?

— Ёхтунгкве эрегыт, моторыт сав ёр оньсегыт, тан ёмасыт!

Хоса халанылт потыртасыт.

Юртхум Сталин пусын магыс ёмасякве номсахтыс, тувыл полюсн минунгкве усь та лавыс. Пусын хотпат сёпитахтунгкве патсыт.

Ань ам полюс зимовка начальникыг паттувесум. Ам сака сягтсум. Соль, ам ваглум, ман тарвит вармаль овылтасув. Полюст ёмасякве нэмхотпа инг ат олыглас. Та савит мир тув ёхтунгкве овылтахтыглалсыт! Яныг пал мире порсыг миначыт.

Норвежский полярник Нансен хурум тал сис Луи ма хосит кос яласас, полюс мус аквти ат ёхтыс. Седов — русь путешественник янгкыт хосит кит тал сис кос кепыл яласас, полюс мус тох ат ёхтыс, та усыс. Ос матах мат кем лов элмхолас порсыг миначыт!

Ам тииныл ат пилсум. Ам васлум: тан таи магыс порсыг миначыт, тананыл нэмхотпа ат нётыс. Сёлынг мир танан олн ат майла-сыт.

Ман палтув мот сир вармалы. Манавн пусын мир нётунгкве пати. Юртхум Сталин такви манавн нёти.

Ам роттыг олсум. Ман советский гражданин хотпыл ул вос ат яртмыс — ворт, океаныт аман харамат — тав родинан тох ат хультуптаве, хонтаве, лилитэ нэгылтаве!

Юртхумиянум — Кренкель, Ширшов, Федоров акван атсанум ос танан лавсум:

— Ягпыганум, полюс магыс манавн маныр эри, номсунгкве патэв!

Кренкель лавыс:

— Полюсныл радио хосит Москва ёт, пусын мир ёт ос ма янитыл потыртангкве вермынэ магыс анузн ёмас радиостанция эри.

Ширшов лавыс:

— Ам Ледовитый океан милэ ханисътангкве патилум. Таи магыс анузн хоса емтанг вовта кер квалыг — лебёдка, микроскоп, ярмак усма ос сир-сир приборыт эрегыт.

Федоров лавыс:

— Ам совыт ос хотал пос сирыл оlnэ маув ханьсюнгкве патэгум. Янгк хоталь натаве, уральтангкве патэгум. Анумн сав астрономический приборыт эрмыглэгыт.

Ам лавсум:

— Ягпыганум, ман полюст тал сис олунгкве минэв. Таи магыс манавн ёмас палатка, радио магыс электричество, резиновый хапыт, ани-саныт, папиросыт, саграпыт ос сав сир-сир утыт эрегыт. Манавн тэнут сопас вингкве эри. Туп ман магсылув та сирыл сёпитим тэнут эри, таве магыс сака яныг ма ул вос эрнув ровнуват ос ул вос сайнуват.

Ман магсылув пусын варим оли. Плиткат, кубикыт хольт сёпитим тэнутыт кит талыг-тувыг товлэгыт. Ат сат лимон пасяртавесыт, тииныл лов килограмм савит лимон вит атхатыс. Сака ёмас палатка номылматсув. Вёсь-кат, ёмас приборыт аступтасув, сяр ёмас товлынг хапыт сёпитавесыт.

Пусын астим хунь олыс, ам лавсум:

— Ань, ягпыганум, пусын арталангкве эри. Тии магыс Москваныл мось элнув минэв, тот мось олэв, эртум, полюст олмыгтэв, пусын тарапаттиянув.

Пормасув машинан талтысанув, Москва конипалн минасув. Тэли пора олыс, мувлах туйт акваыг хуяс. Ам ёмас хара ма сунсыгласум:

— Ти сяр полюс хурип ма!

Палаткаув хот-песталангкве овылтахтысув. Палатка уныт ёл-сёпитаснув, персент, гага пун чехлыттыл хартыслув. Палатка конипалныл сэмыл персентыл лэпыслув. Ти сэмыл персент палт войкан хансил хансим олыс: „**Натгасьлан станция**“.

Тувыл ман полярный маснутанув: сахит, пунынг ваит, палинг кентыт массув. Эртум мак полюст олунгкве патсув.

Манки пут варев. Пайтахтан витн кубик таратэв, щи исмитыг емти. Акв плитканыл котлетыт нангкегыт. Мот компотыг емти. Пусынг тэнутанув сака атынгыт олсыт.

Ширшов, Федоров приборыт арталасыг. Кренкель радиостанция сёпитас, тувыл Москва ёт ос мот усыт ёт потыртангкве патыс.

Эти порат тав лавыс:

— Иван Дмитриевич, сёс кем сис Москван ялунгкве рови?

Ам тавен лавсум:

— Теодорыч, ман полюст олэв, тии нанг ёрувласын.

Эрнст мувалалыс:

— Москва ман поханувт оли.

Тав Москван та минас. Соль, сёс кем пора ювле хультим юи-палт, тав ювле ёхтыс.

Хот хотал сис, Москва похат олсув. Та сис арталасув: палаткаув полюст оньсюнгкве рови ман ати? Радиостанция ёмас рупити ман ати? Приборыт солингыт ман ати? Маснutyт регынгыт ман ати?

Пусын ёмас олыс. Ман ювле, Москван ёхтысув. Тувыл ам лавсум:

— Полюси минунгкве ман тас олэв!

МИНЭВ!

Москва аэродромыт нила яныг воздушный корабль аквагылтарс унлысыт. Ос аква мань-нунув товлынг хап тот олыс. Ти товлынг хапыл аква лётчик, лёнгх тактим, эли-палт мини.

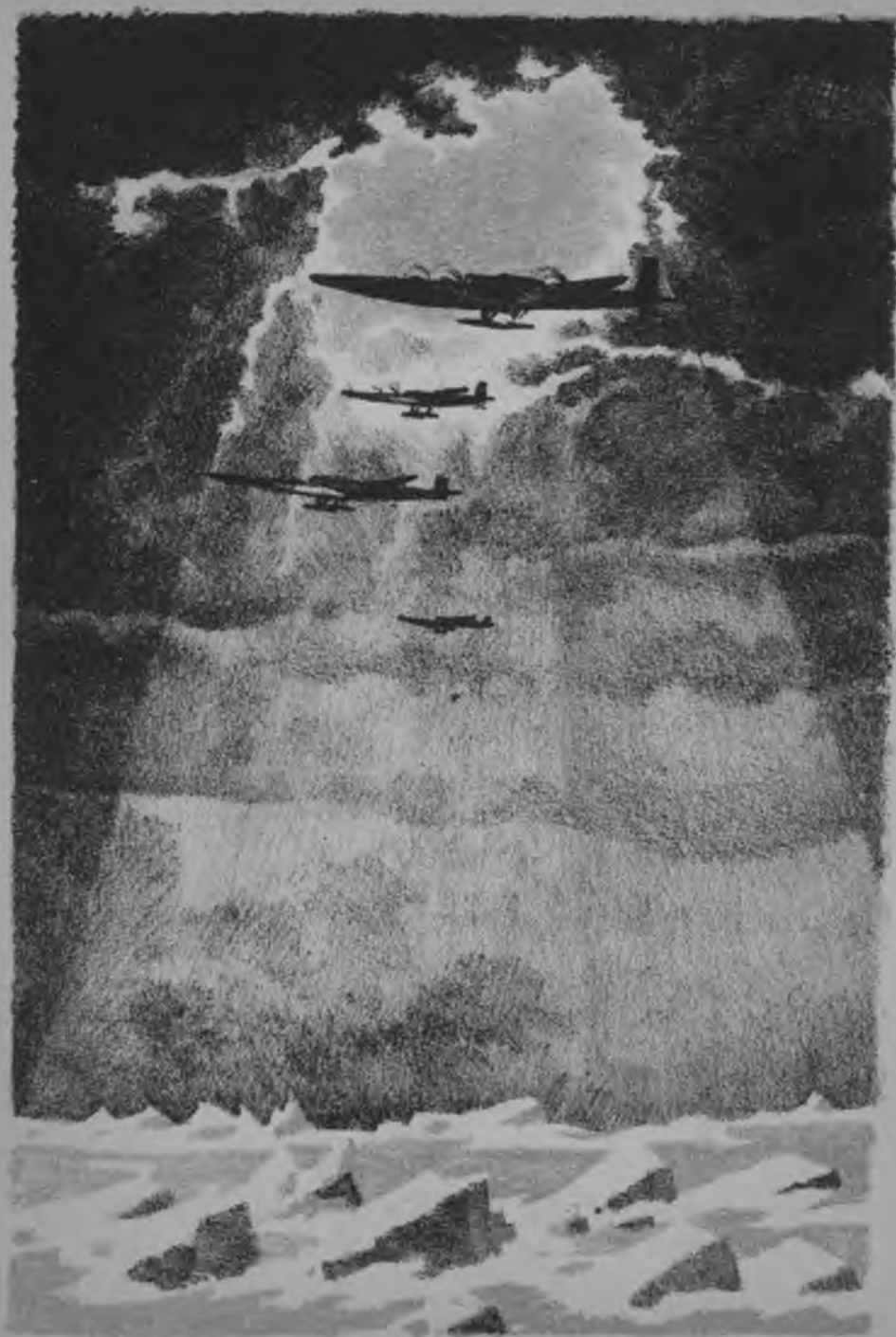
Ман ётув сяр ёмас лётчикыт — Водопьянов, Молоков, Алексеев, Мазурук, Бабушкин — минэгыт... Ман ётув сяр ёмас штурман — Спирин — тыгламли.

Моторыт миргунгкве патсыт, тииныл сэви ёмтыс. Ман товлынг хап кабинатн сялтсув. Ман ётув ос ёмас улум варнэ мир кентанылтыл хосгысыт та ронгхсыт:

— Ос ёмас улум! Зимовкат сотынгысь олэн! Арктикан пася латынг лавен!

Нэмхотпа ат ронгхи: „Письмот хансэн“; полюст почта кол инг атим. Тии магыс тан Кренкель нупыл пусын потыртасыт:

— Радиограммат ватихал кетэн!

— Кетэгум. Ос ёмас улум!

Тарвитынг товлынг хапув мотан-мотан юипалт нонгх-лапунгкве патсыт. Минэв! Полюсн минэв!

Ам акваыг хурахласум — тэнут товли аман ат товли? Илттыг ат товли ке? Полюст магазин атим. Соль, ман сав сир тэнут — нёвыль, фруктыт, колбасыт, атынгутыт — сопасласув. Ос пальнянь ёт вислув. Туп анузн сусхалтыс, тэнут манавн ат товылхати. Лётчикыт потырта-сыт:

— Иван Дмитриевич, талтунгкве пойтэн, манав салитэн.

Ам аквити торыг номылматсум. Товлынг хап товлаген, унлын ма ёли-палн, товлынг хап лэген сав сир тэнутыл пинтласанум.

Ман Холмогорн ёхтысув. Погода люль олыс, элаль минунгкве ат ровыс. Ам тэнутыт сунсыглангкве патсум. Пальнянь хусап палыг варыслум, тот сяр няр нянь. Мальтипыг емтыс, пальнянит палыг толсыт, люльсынгыг емтсыт. Ам ти пальнянит хот-воськасанум:

Лётчикыт ам нупылум мувинтасыт:

— Иван Дмитриевич, пальнянит хот сайсыт!

— Ул кос, пальнянит паттыг ам мис ёт выглум.

Лилинг мис ос пурысь полюсн тотунгкве ам сака тангхысум.

Туп лётчикыт мис товлынг хапн вингкве ат касасясыт:

— Нанг, Иван Дмитриевич, слон ёт винувын!

Тонт ам сяквит вой поська тув-поварта-сум.

— Пальнянит паттыг ам сяквит вой тотсум.

Тан сяквит вой висыт.

Погода ёмаснувыг емтыс, ман элаль мина-сув. Нарьян-Марн ёхтысув. Водопьянов ам палтум ёмматас, лавыс:

— Иван Дмитриевич, сяквит воил манав титэн.

— Таен, таен!

Ам поська катын вислум, тав сяр купнит. Кивырн ангкватасум, тав таталыг олыс. Маныр яныг карек? Пусын махум такем та мувинтэгыт:

— Маныр, аки Ваня, ман нангын осьмарласув!

Аньмалынг, тан, аnumныл тулит, поськамт мань ас варсыт, тувыл хурсипынг'утил сяквит

вой поськаныл сипгысаныл. Тох-та пус оньсим савитэ няртсаныл.

Ам потыртэгум:

— Ати, анум ат осьмарлиян, сяквит вой паттыг ам ти поська хул ёт пинэгум.

Ос амки номсэгум: „Ас тара хул ат ситиян“. Лётчикыт ваганыл ам ётум ворасьлангкве тарвитынг, тан хул товлынг хапн висаныл.

Моторыт ильпиыг миргунгкве патсыт. Элаль, Рудольф тумпын минасув.

Рудольф тумпыт ман матахматкем хоталыт олсув. Погода люльсынгыг емтыс, элаль минунгкве ат ровыс.

Тот, ман ильпи лёнгх юрт ёт вайхатасув. Ти номтынг мань амккве олыс. Тав сибирский лайкаыг лававес. Паляге тальхынгыг олсыг. Лэге калась хольт вангкырлим оньсистэ. Тав ман нупылув такысь тур суил хортунгкве патыс. Хотпа та лавыс:

— Ти кутюрись сяр ёмас полярникиг емти!
„Весёлый“ — пумсинг амп!

Тох ти „Весёлый“ — наме хультыс.

ПОЛЮС ТОТ ТА НАНГКИ

Юиовылт торум системаг емтыс, хотал нэглас...

Минунгкве рови. Ман ань полюсн сохтыг минэв!

Машинаув молях сёпитаслув. Тав сака тарвитынгыг талтим олыс. Рудольф тумпыт аэродром сярысьн сигпыг ёл-таратахти. Тии магыс маныл эрнэ порат воздухн паттыхатунгкве эри, тикати усэгын.

Советский Союз Герой Михаил Водопьянов машина тотнэ мат (руль сист) унлынэтэ магыс тарвитынг товлынг хап купнитыг нонгх-тыглам-лас. Ман воздухн патсув, товлынг хапув полюсн та сохтымтаслув.

Ти 1937 тал май этпос 21 хотал нила сёс хотпан нупыл кит минута порат олыс.

Сака нумын минэв. Моторыт пойтталыг аквкемыг кургегыт. Ман пусын ёл-сунсэв. Туп

тулыт тот акваыг нангкегыт. Тов порат тулыт халт пос, „иснас“ постыглали. Ти „иснасыт“ тара янгкыт акваыг нэглалэгыт... .

Ман сёс сис та сирыл минэв.

Штурман Спиринос Женья Федоров илтыг акв турыл ронгхугласыг:

— Полюс! Ман полюс нуми-палт минэв!

Тувыл Водопьяновни катагентыл тактысыг:

— Полюс тот та нангки!

Водопьянов товлынг хапе ёл-иснэ магыс тотунгкве патыстэ. Ман аквписыг ёл-минэв... Тулыт тара миасув, тан ёли-палэнт акваыг сэнгкв олыс. Юиовылт, сэнгкв нуми-палн хулытыс. Водопьянов унтнэ магыс янгк сунсыглангкве патыс.

Тав, иснэ ма сунсыглим, войкан янгкыт нуми-палт хоса яласас. Юиовылт, тав яныг янгк капай хонтыс, ёмас иснэ ма кинсим, тав нуми-палэт яласангкве патыс.

Товлынг хап янгкын хойнэ люлитн ёхтыс.

Ёсаге янгкын волькатасыг. Машина тувпойтыс.

Ман, хурумхойплов хум, пусын янгк тармыл порыгмасув, тувыл халанувт катанув пувыгласанув, сипыглахтысув, аниглахтысув ос, полюсн

пустагыл ёхтмув магыс, юртанув халт пася латынг лавсув...

Анумн ронгхегыт:

— Иван Дмитриевич, полюс косяй, нангки ман оньсюнгкве патэли!

Ам сунгсыглахтэгум. Ам мувлахум акваыг янгк. Ти полюс. Ти ма пес порат нэмхотпан ат ёхтынэ маыг лаввес. Ти ман ёхтынэ магыс сав пилтал путешественникыт уссыт. Ань ман, большевикыт, полюсн ёхтысув.

Кренкель радиостанциятэ лаква-унттыстэ. Радио ёт матыр та емтыс. Сёс мини, радио инг ат рупити. Ман пусын мось хурахлавесув: такос полюст олэв, нэмхотпан ат вавев, улпыл, номсэгыт, ман хот-уссув. Кренкель манав пойк-сяси:

— Ул номсэн. Молях сёпитахти.

Аквхойплов сёс юи-палт радио рупитангкве патыс. Ман сяка сягтсув. Аквти торыг полюс-ныл юртхум Сталинн овыл радиограмма кетсув.

ЗИМОВКА ОВЫЛТАХТЫС

Рупота такысь мини, това туйтныл кирпась якти, това радиостанция магыс ти кирпаситныл колнор пинтли, това товлынг хапныл пормасыт - татламти, това суныт хот-пестали...

Янгк мана хурип осынгыг олнэтэ магыс мен, Пётр Петрович ёт, мось ворасьласмен. Тувыл пувтсув, пувтсув, хус кем сёс регтылавесув, юиовылт вит мус усь-та ёхтысув. Янгк оситэ хурум метраныл савнуваыг олыс.

Янгк осынг, олунгкве рови!

Ман палтув юи-овылт хультим лётчикыт — Молоков, Алексеев, Мазурук — молях ёхтысыт. Тан лебёдка, палатка ос Весёлый тотсыт.

Амп ильпи ма хосит хайтыгтангкве овылтахтыс, нёлэтыл тыгле-тувле атинтангкве патыс. Пусын мувинтасыт:

— Весёлый полюс атинтитэ.

Лётчикыт танки магсылан купнит палаткат сёпитасыт. Ман Москва ус ляпат унтталим яныг сэмыл палаткаув унттыслув. Овлэт акван атыслув, винтыттыл акван сёпитаслув, конипалэ персентыл ос товлит нортыслув, тэнут пайтан магыс мань колнак, коридор, сёпитасув, — сака ёмас емтыс.

Кренкель пумась варыс:

— Ледовитый океан котьлит сяр ёмас колкве унли. Тув сяттэгын — маныр нангынн эри, пусын оли.

Ман ти колт олмыгтасув ос муй пасан варсув. Палатка конипалт сака яныг сэви сивгыс, вот вотыс, манавн палатка кивырт регынг, ёмас олыс. Ман керосин най пос похат унлысув, сяр атынг тэнутыт тэсув. Та сис Москва ус юртехумиянув ос сёмьянув номыглалсанув...

Лётчикыт ман колув эсгасаныл:

— Ти палатка, сяр „дворец советов“ хурипа.

„Дворец советов“ похат янгк „дворец“ — радиостанция унлыс. Ти ляпат вот тактан пергалтап (мельница) товланэтыл хосгунгкве патыс. Ти мельница сист тэнутын сунит унлысыт. Мак ус хули емтыс. Палатка похат

юртхум Сталин портретынг выгыр знамя хосыг-хатыс.

Хотхойплов хотал минас. Пусын ман юртанув ювле лёнгхын минунгкве сёпитахтунгкве патсыт. Туп ман, нила хум, тит хультэв. Ам тананыл пойкасиянум:

— Ул молямлэн, ос мось олэн. Ман палтув олунгкве ёмас.

— Ати, пумасипа! Ман нан пормасан тотсанув, олмыгтангкве нётсув, ань ювле миннэ пора ёхтыс.

Тан талтхатунгкве патсыт. Ам акваыг лётчикыт палт ялантасум, тананылныл вовсум:

— Маныр арыгут оньсиян анумн маелн. Нан молях юв ёхтиян, тит ман магсылув пусын эрмыгли.

Тан манавн тов хум сковородка, тов хум ахвтас пут, тов хум ветра майласыт. Мазурук патефонэ муйлуптастэ, патефон выгыр хусап алат хансыс:

„Хотиут акваыг эргим оли
Та хум нэмхуньт ат типхати“.

Хотпа муйлуптангкве ат тангхыс ке, ам тавен потырталсум:

— Маныр ёт оньсегын, пусын хот-выглум, туп ёли маньсупыл юв таратилум, нан аквтипыл али ман минэгын.

Полюсныл кос хоти пал нупыл минэн — аквтипыл али самн патэгын.

Ам, тан нупланыл ос ёмас улум варнэ тэнэ пасан порат, потыртасум:

— Нан миниян, ман тит хультэв. Эруптан сосса маувныл хосат олунгкве кос патэв, туп ман симанув манки странаув ёт, большевистский партия ёт, мирув ёт акваыг олунгкве патэгыт.

Юиовыл ос ёмас улум вармалит, юиовыл синигтахтын вармалит олсыт.

Машинат ман пунгканув нуми-палт кургыгласыт. Ман тан нупылан кентанувтыл хосгысув:

— Ос ёмас улум, ос ёмас улум!..

Товлынг хапыт вассыг ат нангкунгкве патсыт. Ман манкиман та хультсув!

— Я-та, ягпыганум, — ам лавсум, — зимовка та овылтахтыс.

Кренкель наушникыг паляген пиныс, Федоров астрономический турпан сунсунгкве патыс, мен Ширшов ёт лебёдка палт миасамен.

„Луи полюс“ станция рупотатэ овылтахтыс.

„МОСКВА—ПОЛЮС“ КАНАЛ

Рупота сав олыс.

Ман туйтныл унттыглан вармалъ варунгкве патсув. Туйтныл кирпасъ яктлысув, тэнут пайтын колнак варсув. Ширшов научный рупота варнэ магыс туйтныл колрись унттысув...

Тэнэ пормас ёт сака сав рупота олыс. Тэнэ сопасанув хурум ман уртысанув, янгк хурум овлэн пинтласанув, янгк полиг покапи ке, акв склад витн сялти аман янгкн тангыртаве—ти пилисьманг ати! Ман палтув ос кит склад хульти.

Тэнутыт люлиг ул вос емтнэныл магыс ман танан туйтн рамыгласанув. Туп тамле „холодильникыт“ (туйт ампарыт) хотал регнэ молях полиг сакваталвесыт. Овыл пора хотал унтыглангкве ат тангхыс, акваыг ман нумипалувт постыс. Эти палаыг, усьлахтнэв порат хотал оли, алпыл сайкалэв—хотал инг регылти.

Акваыг хотал нангки. Аман эти палаыг, аман эт, ман туп сёс хоситыл тарапаттыгласанув. Хотал сака регылтанэтэныл, тэнутыл тагынтим кер хусапыт похат туйт толыс. Ти кер хусапыт кивырт няр хул, пурысь нёвыль пиним олыс. Пилисьманг, тан ти-ти саегыт. Ман тэнутанув ильпи ман татыглангкве патсанув!

Ман сунути керхатасув, сома ёмас лувит, 25 пуд савитыл аквторыг хартаталсув, лагланув ёли-палт волькынг, витынг, акваыг ёл-хоплэв, кос кепыл рагаталэв, моти мотанув эсгим хартэв. Рупота тарвитынг. Тамле рупота юи-палт, самагув вильтын вангкегыт!..

Вит манавн нас олунгкве ат таратас, мув-лахет акваыг толи. Янгк нуми-палт тур вонгхат, сярсит олсыт. Ман пувлим резина хапувыл ти вит хосит яласасув.

Палатка кивырт нигынгыг олыс. Маснута-нуv витн ёсвесыт. Тослан ма нэмхот атимыг олыс. Тосан ма ломткве нэмхот ат хонтэгын. Лагланув ёли-палт акваыг вит. Ман пунгканув ёл ат тараталсанув, пумась варсуv, ат марсюмла-суv. Ман халанувт потыртахтысуv: симынт тар-вит емти ке, нэмхотпан ул касалан магыс, так-мальтахтэн!

„Дворецув“ похат мак я овыс. Ам инженерыг
вархатасум, партныл хайтуп варсум.

Я аквписыг пангхвынгыг емтыглас, палаткан
ватимлас. Ам канал варунгкве номылмат-
сум. Янгк пувтуп висум, тувыл палатканыл
поктул мус янгкыт канава пувтысум. Та сирыл
вит палатканыл похан таратаслум.

Юртхумиянум ам варим канавам ёмас намыл
пинсаныл: канал „Москва — Полюс“.

„ЮСВОИТ“

Туи полярный хоталыт порат хотал аквписыг ат постыгли.

Тав ватихал тулыт нуми-палн миныглалыс, тувыл витынг туйт патыглас. Похрем ватихал овылтахтыглас. Ман палатканув туйтыл лаптотыглалвес. Ман тамле похрем нупыл ат суссув, 17—18 сёс этанг-хотал сис рупитасув.

Манавн сав тарапаттунгкве эрыс. Полюс ляпат луи сярись мана хурип мил оньси? Сярись паттат маныр вархати? Океан мана хурип витоньси, ти витэ хоталь ови? Вит уй-хул оньси аман ат оньси? Ман янгк тармыл хоталь натавев?

Сав китыглахтын потыр олыс. Сав рупота аступтим юи-палт, туп тонт ювле лавунгкве ровыс. Ман такысь рупитасув.

Ман лебёдка палт рупитасув. Ширшов емтанг кер квалыг овлэн усма, термометр ос сир-сир

приборыт тув-нэгсаласанэ, тувыл, сярись пат-
таныл вит уй-хул нонгх-винэ магыс, мана хотпа
тот оли, тарапаттынэ магыс ти приборыт пусын
вит вонгхан таратасанэ. Приборыт сярись пат-
та мус хоса таратахтысыт. Тувыл ман лебёдка
катыл перигтасанув, кер квалыг нонгх-ён-
гысанув. Ти рупота сака тарвитынгыг олыс.
Ман хот сёс сис, пентхатыглим, лебёдка
ёнгытысанув. Федоров ос ам атхойплов минута
сис перыгтасмен, тувыл Кренкель ос Ширшов
атхуйплов минута сис перыгтангкве овылтахтыг-
ласыг. Тамле рупотаныл яныг асирма порат
манавн регынгыг емтыглас, ман маньсупанув
мус алати хот-ангхсалахтыглалсув.

Таи магыс ман тарапаттысув: полюст океан
нила километр кит сат атпан метр савит мил
оньси. Тии ман тарапаттыслув. Пес порат по-
люст океан милэ нэмхотпа ат вастэ.

Петя Ширшов сярись витыт рачок-боко-
плав уйкве, медузат ос сав сир-сир мань уиквет
хонтыс. Ти ос ман тарапаттысув. Пес порат ном-
сысыт, полюст нэматыр олупса атим. Ширшов
такви хонтим уйквенэ кер хусапытн, кумыска
хусапытн пинтласанэ, сака сягтыс.

Ман сав рупитасув. Таи магыс тувыл сяр

такысь хуясув. Кренкель акваыг эт сис урнэ ху-
мыг олыс. Тав алпыл порат манав сайкаталсанэ:

— Юсвоит нонгх-квалэн!

Тав сайкаланэн торвинтан суй ювле суйти.

— Юсвоит, — эсырма оньсюнгкве эри!

„Юс-воит“ торвинтэгыт, нэматыр магыс ат
номсэгыт.

Кренкель кантынг тигр уй холът ман нупы-
лув лайхатыгли:

— Нонгх-квалэн, маныр, ам нан ётаныл
ёнгунгкве патэгум!

Та юи-палт ман хуйнэ хургытныл усь-та
кон-квалэв. Тонт Теодорыч ёл-хуи. Тав эт
сис ат усьлахтыс, радио похат унлыс, ватихал
уральтан магыс кон-квалыглас, янгкыт поктул
аман атим, мот „колнакн“ минунгкве аман ат
эри.

Ман алпыл порат сяр аев, рупитангкве овыл-
тахтэв. Петя хотал палитын, тов порат этанг-
хотал сис вит вонгха палн мини, ман ку-
мыска хусапанэ ёт капырти. Тав акваыг пойт-
талыг тот матыр-та акв хусапныл мот хусапн
сосынти, равтысьли, хосгысьли. Сома, тав мак
аптекариг оли!

Мен, Женя ёт кон-квалимен, тувыл

менменн тарапаттунгкве эри, мансир мат ман олэв. Ман акв мат ат унлэв. Янгк ломтанув манав ласялакве полюсныл похан тоти. Тав натаве, таи ман ат касалэв. Манавн сусхати, тав акв мат унли. Женя Федоров, такви приборанэ хотал ляльт унттиянэ тувыл лави:

— Ти хотал янгк ат километр савит элаль минас!

Аман лов километр минас, аман хоти хотал китхойплов километр натвес.

Янгкломт тов порат молях, тов порат ласял натвес. Ам Федоровн акваыг нётсум. Тав аумн торум нупыл сунсунгкве ос погода нэпакын хансунгкве ханисътас. Женя палатканыл конквалунгкве ат верми ке, ам тав магсылэ пусын та варегум. Касынг хотал, кос маныр емтнув, полюст мана хурип погода оли, радио хосит латынг кетунгкве эри.

Ам ётум Теодорыч, Петя ос Женя кетнэ магыс ам сака сьгтсум. Тан так, сав рупитэгыт, вагтал ат патэгыт. Ватихал кит этанг-хотал сис ат усьлахтэгыт, похрем, раkv, сэнгkv порат рупитэгыт. Ман наука магыс сав ёмас, эрнэ ут тотсув.

Пётр Петрович—яныг ученый. Женя ос

мак ученый. Пусын сяр эрнэ совыт тав наманэ сирыл ваганэ. Ти совытныл мансир сов хот оли, тав вагтэ, эртум, тав такви ти совыт яныг торумын лакв-пинтласанэ...

Эрнст сяр ёмас радистыг оли.

Тамле нётнэ хумит ёт ат усэгын!

„ПОЛЮС ПОТЫРТИ“

Ман радио хосит Москван погода магыс касынг хотал сводка кетыгласув. Радио хосит ман манки ильпи тарапаттим вармалюв магыс латынг кетыгласув. Ти сака эрнэ вармаль. Ман ётув мат сир нак емти ке, рупотанув порсыг ат мини. Ань ман рупотанув магыс пусын мир вагыт. Ман радио хосит касынг эт Москваныл ильпи потрыт хунтлысув. Тии манавн газета паттыг олыс.

Москва ос Ленинград радио хосит ман магсылув ёмас концертыт варыгласыг. Ман наушникыт палягувн пиныгласув, эруптан эргыт, эруптан музыка хунтласув ос манки ласялакве радио ёт эргасьласув.

Радио хосит ман хулсув, ман Верховный Советтын депутатыг периявесув. Ман сака сягтсув ос тамле яныг честь магыс янитлахтысув!

Ман радио хосит рот махманув, экванув ос юртхумиянув ёт потыртасув. Тан ётаныл потыртим, манавн сусхатыс, сома, тан ман ляпанувт, ватит олэгыт.

Аквматнакт Кренкель, эт сис дежурныйг олме юи-палт, ёл ат хуяс. Ман осятахтысув:

— Теодорыч, ёл-хуюнгкве манарыг ат минэгын?

Тав наушникыг палягенн пиныс, манав ат хунтли. Илттыг тав вильтэт сягыт суртхатас, тав мувалас, туп тав ман конипалув хотпа та нупыл мувинтас. Ман ос наушникыт пувсув. Няврам тур суй хулэв.

— Ти хотпа, Теодорыч?

Тав ласял восги:

— Астал, ти ам агрисюм!

Пусынг таранг. Мань Люся радио хосит асе ёт потырти. Тав ёмасыг потырти, акв сёс нелме ат тагапи. Сотынг асе—Кренкель та юи-палт ёл-хуюнгкве хоса ат вермыс!

Ман радио сака ургалим оньсислув. Радио атим олыс ке, родинаувныл ос ма янитыл мирныл акв латынг ат хулнув. Нэмхотпа ман магсылув нэматыр ат вануватэ ос ман нэматыр ат ванув.

Тии магыс ман, сянъ нявраме осьнэ хольт, радио ургаласлук. Аквписыг сунсыгласлук, систамтаслук. Тав ётэ мось матыр емти ке, акв ти торыг сёпитилук. Таи магыс радио сака ёмас рупитас.

Тов порат илттыг тавантыг ёмтыглыс. Хоса пора тавантыг олыс. Пергалтап товланэ тувпойтсыт. Электростанция та порат ат рупити, пергалтап радио магыс ток ат тарати. Аквти пора московский „Правдан“ рупотанув магыс, оlnэ магсылук статья кетунгкве эри. Маныр варунгкве?

Ман катыл перыгтан, лаглыл перыгтан мотор тотсув. Тав велосипед хурипаыг варим олыс. Ман машина инарын пентхатим унтыгласув ос педалиг лаглыл ёнгхтасув. Статья кетнэ магыс ман хурмиттыг сёс суп сис лаглыл перыгтасув, сака вагтал патсув.

Таи магыс статьянув лавим хотал порат газетан печаттавес.

Кренкельн сав ос тарвитынгысь рупитангкве ёхтхатыглас. Сяр ёмас, яныг лётчик Чкалов полюс ултта Американ миннэтэ порат, Теодорыч кит этанг-хотал сис наушниқыг палягеныл хот ат войласаге. Ман тав похэт унлысув, сягтысув. Кренкель хунтлыс:

— Чкалов Рудольф тумп нуми-палн мини.

— Чкалов Рудольф нуми-палт оли.

Юиовылт, тав элаль лави:

— Чкалов Рудольф тумпныл элаль патыс.

Ман сягтсув. Тав молях ман нуми-палувт емти. Ман Чкалов товлынг хап касалэв. Валерий манавн письмот, газетат ос журналыт ёл-тарати.

Ман, торумныл самагув ат тараталим, нонгх аквписисыг суссув. Та порат торум янитэтыл тулыттыл лап-хартим олыс. Ман Чкалов то-влынг хапе суге такос хулысув, самын пат-туңгкве ат вермысув. Чкалов манавн ос ат самылтасанэ.

Ам Петя, Женя нупыл, нас мовинтим, ляв-тысум:

— Ягпыганум, ти пусын нэн магсалэн тох емтыс. Нэн систам атыр торум сёпитангкве ат вермысаген. Тувыл ос погода мастерыг лав-хатэген!

Громов Американ минунгкве хунь сёпитах-тыс, ман юн олнэ семьянув палт радио хосит латынг кетсув:

— Громов ёт посылкат, письмот, книгат, маныр касасиян, таи кетэн!

Ман Громовн нуми-палныл нангкнув магыс

пос постунгкве номылматсув. Витынг туйтн рагаталим, ман олпыл талтим сун хартсув, ти олып курасил мувлахе хосгысув. Яныг ольпынг лакв пос варсув. Та урегув, Кренкель радио похат унли, ман акваыг торумн сунсэгув. Матах мат кем сёс хультыс. Громов ти-ти нэглапи. Кренкель илттыг лягалас:

— Хунтлэн, Громов манавн радиограмма кети: „Арктика ёлимтам хумитн пася латынг кетэв!“

— Пася латынг магыс пумасипа! — ман халанувт потыртасув, — туп тав такви хот оли?

Тувыл ман торгамтаслув. Громовн полюс ултта Американ минунгкве эри, — ман кит сат кем километрын полюснул похан натвесув.

Громов ман посылканув ёт Американ минас.

„ДВОРЕЦ СОВЕТОВ“

Хоталыт ювле хультыгласыт — ман хот ёнгхуп сис янгк тармыл олсув ос та савит олунгкве хультыс. Туп сяр тарвит вармалюв инг элынг оли. Хоса хоталынг хоталыт ювле хультсыт. Октябрь этпос порат ман хотал юиовыл сёс самын паттыгласув. Ти пораныл асирма полярный хоса эт овылтахтысыт. Тит, полюст, акв пал тал сис хотал оли, мот пал тал — акваыг эт.

Ман тэли порат масхатнэ сирыл масхатасув. Сахиянув, мольсянганув, польтанув, пассанув ос „тапочканув“ пиннэ магыс сав ма эрыс, тии магыс „советыт дворецув“ мармыг емтыс. Яныг ёпанси ваиг еранэныл яктысагув, ман таиг „тапочкаыг“ (няраыг) лавсагув. Тамле „тапочка“ киврет акв тал товлим няврамн пувлунгкве рови: „тапочка“ нуми-палн ос га-

лоша масэв. Ти галошат „наинг хапыг“ лавысанув.

Тамле марум мат масхатунгкве хурахлим эрыс. Ман акваыг номсысув: хуйнэ хургытн унтнэ порат пунгканув пасан самын ул вос пелхатнуув. Фуфайканув маснэв порат хохса харыгтан утув ос Ширшов кумыскат ул вос сакватануув. Хартхатыглан порат алат кер винтн ул вос пелхатнэ магыс пунгкын ургалим оньсюнгкве эри.

Ман манки „дворецув“ ёмасыкве ханьсювласлув. Авиныл, ёмаспал кат нупыл Кренкель „кабинет“, тит тав радиоприемникыт ос сирсир инструментыт оньсиянэ. Вортипал кат нупыл манки варим „буфетув“ унлыс. Колкант Ширшов тотопанэ ханисьтан магыс витыл сопаслим олсыт. Тотопыт тармыл посимлим кер путыт унлысыт.

Кол нор хосит кит накынг перьят унлысыт. Перьят халт пасан унлыс. Керосин лампа нуми-палт кер хусап тагатим олыс. Кренкель ти кер хусапн полим колбаса пиныглас, колбаса тот толыглас, тувыл исыглас. Ман палтув аквписыг исум колбаса оли. Сяр ёмас магазиныт тов порат тамле колбаса ат хонтэ-гын. Туп вит ёт вармаль люлиг ёмтыс.

Туи порат вит акваыг олыс, таи магыс олнэ пись атим. Тэли порат мувлахе акваыг янгк, туйт емтыс, ос вит акв сам нэмхот ат хонтэгын.

Ман вит туйтныл варсуб. Пут пайтнэ магыс примусыл туйт хоса толтунгкве эрыс. Таи магыс ман вит салитим оньсислув. Ватихал ат ловтхатасув, тэнув юи-палт ани-сананув ат ловтысуб.

ПУСЫН АГМЫТ ВАНЭ ПРОФЕССОР

Ман халанувт доктор олыс. Тав аптека ко-сяиг, доктор нётнэ экваыг ос пусын агмыт ванэ профессорыг олыс. Ти Ширшов олыс. Пётр Петрович „докторыг“ туп матах мат саткем ханисьтахтыс. Полюсын миннэв эли-палт тав пусмальтан колн ялантас, операцият хумус варыглавесыт тот сунсыс.

Пётр Петрович кантынг профессорыг олыс. Таи магыс ман агмалтангкве пилсув. Таи магыс ман сака ат агмалтасув. „Докторувн“ манав туп кит, аман хурум сёс пусмальтангкве ёхтхатыглас.

Аквматнакт, Женя Федоров мось агмылнув емтыс. Ширшов таве мак профессор хурипаыг доктор трубкал хунтлунгкве патыстэ. Тув-сунсунгкве аумн потылмаыг емтыс.

— Лилтэн!

Женя такысь лилтунгкве патыс.

— Ул лилтэн!

Женя лилтал патыс.

— А-а лавен.

— Нелмын суссылтэлн!

Женя сунстыстэ.

— Я-та, тоха, — „профессор“ лавыс, — масхатэн. Пусын таранг. Доктор кумыска хусапыт акв ти торыг пинтлангкве эри.

Ман яныг кумыска хусапыт майвесув, тан сый стакан янит олсыт.

„Профессор“ пилисьманг яныг най (факел) пеламтас, палатканув ала ти найн титтыстэ. Най (факел) кумыска хусапн сятлуптастэ, тувыл ти хусап Женя сисэн пинумтастэ. Конярьс Федоров палт нёвле доктор кумыска хусап патта мус акван хартавес. „Профессор“ китит доктор кумыска хусап пиныс. Хурмит хусап магыс Женя сис нёвиль вассыг ат хультыс, пусын хусапн атхатыс.

Аквматнакт, ам сисум агмыл емтыс. Ам потыртэгум:

— Профессор Ширшов, анузн лилтунгкве тарвитынгыг емтыс.

Пётр Петрович доктор трубкатэ вис, тувыл хунтлунгкве патыс:

— Иван Дмитриевич, нанг маглын кивырт матыр-та сихрити. Скипидар тэрпил сартхатунгкве эри.

Доктор потырти ке, тав лавнэ сирыл пусмальтахтунгкве эри. Ам ангхсалахтысум, тувыл сали товыльн хуясум. Ширшов скипидар тэрпи такви катпаттан сосыс. Ман „профессорув“ палт катаге сяр системаыг атим— машина воил сартмыг... Тав ам сисум сартунгкве овылтас. Маныр емтыс? „Профессор“ катаге скипидар тэрпиныл системаыг емтсыг, туп ам сисум хансанг зебра хурипаыг салмынг емтыс.

Таи магыс тав арум пусмальтастэ.

Ман СССР Верховный Советн перьямув юи-палт Ширшов самынпатим усыт— Днепропетровск няврамыт эргысыт:

Пусын—яныг, маньлат мир,—

Пётр магыс катэн алмен.

Пётр Петрович магыс.

Ширш Ширшович магыс.

Тии магыс манавн радио хосит потыртасыт, тувыл ман Петя „профессор Ширшович“ ильпи намыл пиныслув.

„Профессор“ тав ос такви стихотворениет эруптас.

Аквматнакт ам васум: „Ширшович“ палатка кивырт колкан котьет люли. Тав эли-палэт Весёлый унли. Ширшов стихотворенье такысь ловинти:

Амп ойкам,
Маныр нанг самагын
Ёт ёхтхатунгкве верми?
Анумн нангки, ам ваглум,
Нанг сам вит нэгланэ
Мус симын пухти, —

касынг строчка лавнэтэ юи-палт тав Весёлыйн колбаса ломт майлас. Весёлый лэгетыл сягтим хосги, Ширшов ловинтан стихотворение тавен мусту.

ТОРЕВЫТ

Весёлый мак полярникыг олыс. Тав такви магыс „ампарыт“ сёпиталыс — хультим тэну-танэ туйт ёли-палн хилыглалсанэ. Тав, сайтн номтынг ампыг олыс, туп мось тулмахлыс. Тав ватихал ман складувн тулит сялтсалыс. Аквматнакт, ам таве касаласлум: мувлахе ангкваталим, тав туйтныл нёвыль нонгх-хили. Веськатыг лавунгкве эри, ам тав ётэ нас касыг ёнгунгкве ат патсум, ёмасякве ратыслум.

— Тыг-ялункве ул номсэн!

Та юи-палт тав маныр варыс? Ратнэв юи-палт лёнгх ул вос пиннэ магыс, тав китынтыг километр пал мувлах мувылтас, тэнэ осьнэ складн ильпиыг кисхатыс.

Тии магыс ман таве сунын нэгсаласлув. Ти ос люль олыс. Аквматнакт, ман палтув тамле вармаль емтыс.

Кренкель эт порат палатканыл кон-квалыс, тувыл илттыг мори турыл ронгхувлас:

— Торевыт! Нэ торев кит няврамаге ёт! Молях нонгх-квалэн!

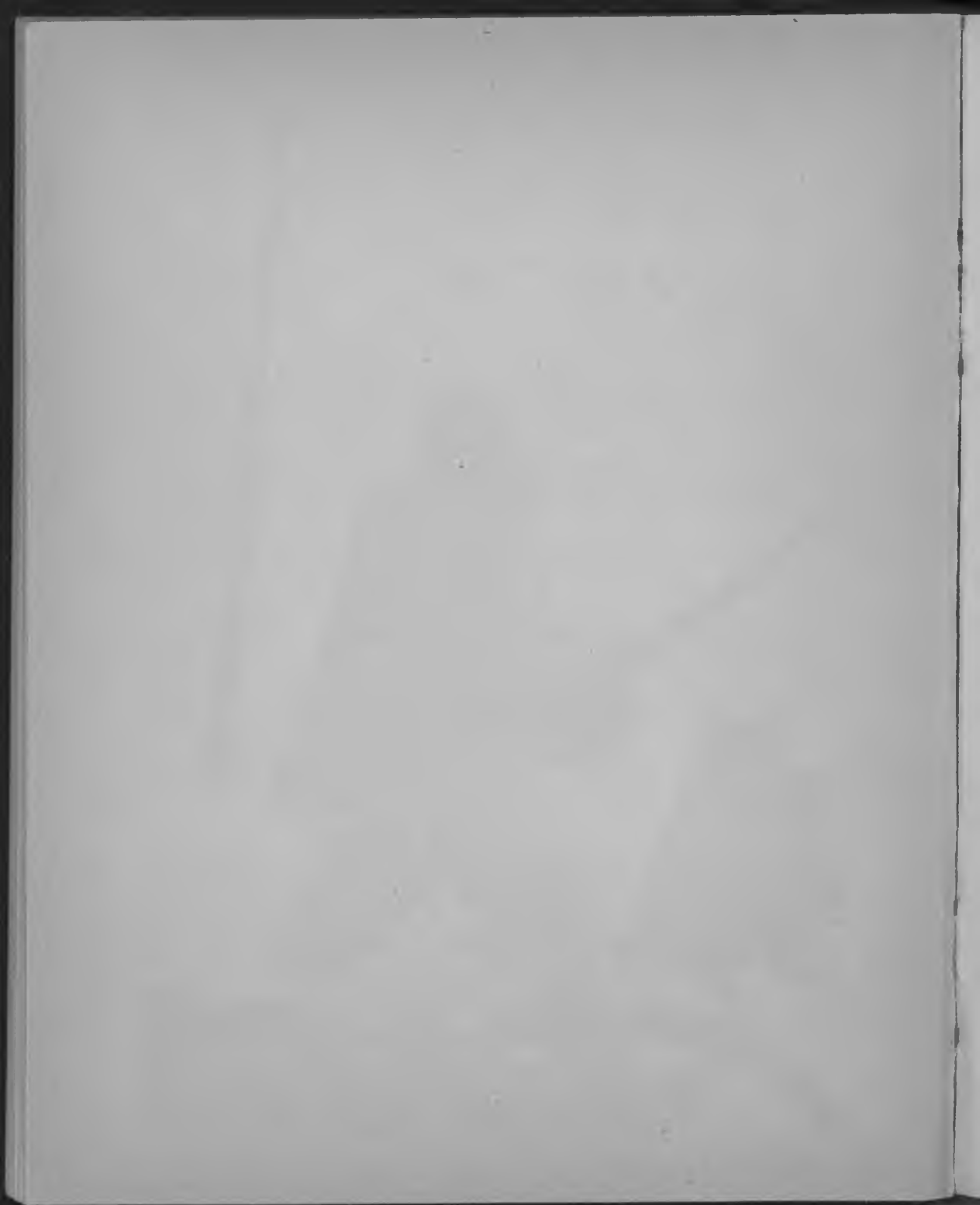
Ман такысь улмыл хуясув. Кренкель тур суй хулмув порат, ман пелпысь нонгх-квалапасув, масхатасув, кон-квалапасув. Вагув: Эрнст сови лаглуп торевыт патамтиянэ, тан осьнэ савит ёрентыл хот-сулинтэгыт. Я-та, танаан лэганылныл пувунгкве мин!

Весёлый ёт та порат маныр олыс! Тав хортыс, маныгтахтыс, тыгле-тувле лайхатыглас ос тарвит сун ёт-хартунгкве овылтахтыглалыс. Ам таве молях эла-таратаслум. Тав нял хольт торевыт юи-палт сулинтас. Ман тув ёхтнэв мус тан лёнghanэ та полимыт.

Ман ювле палаткан ёнгхысув. Весёлый ос хоса пора янгк хосит нуйгатахтыс. Туп хурум сёс юи-палт тав юв усь та ёхтыс. Тав акваыг нянгхсыс, лагланув похат сартхатыс, сома тав торевыт таратан магыс, виноватыг олыс.

— Ягпыганум, ман алисьлангкве, ёрувлахтысув! — ам лавсум.

— Соль, — Петя ювле лавыс, — торев ли-
линг нёвыль ань тэнгкве люль хунь!

Теодорыч мувалас:

— Аласув аман ат аласув, ти нэмат вар-
маль атим. Ман нэ торев нявраманэ ёт ва-
сув — тии ёмас!

Ман халанувт потыртангкве патсув. Тит
торевыт олэгыт ке, тикати нерпытн тит ос
олунгкве эри. Торевыт нерпа нёвыль таим
олэгыт.

Соль, матахмат хотал хультым юи-палт
ам янгк поктулт нерпа касаласум. Я-та,
номсэгум, ман нерпа майт тэгув. Патамтаслум,
аласлум. Туп алим нерпам овын янгк ёли-
палн тотвес. Маныр люль вармаль!

Ман ос сярысь совыр — лахтак вайласув.
Ти „совыркве“ нёлолувхуйплов, аман ху-
сах кем пот харти. Аквматнакт, ам сав
сёс сис писалъ ёт янгк поктул ляпат унлысум,
вагтал паттал сярысь совыр уральтасум, амки
номсэгум: „Сярысь совыр ти-ти нэгли, юрт-
хумиянум совыр лилинг нёвлил муйлуптиянум!“

Хоса уральтасум, польвесум, совыр аквти
мори ат нэглапас.

Ам амкимн пумась варсум:

— Совыр ати ке ти пета ати! Таи магыс яныг вармаль тарапаттысуб: пес порат номсысыт, полюст нэмат олупса ати. Яныг учёный Нансен ос тох номсыс. Тав полюст олнэ вармаль мось ат торгамталыстэ. Ман сав сир уит тит васув! Петя касынг хотал сярысь паттаныл сир-сир мань уйквет нонгх-войлыс. Ман палтув товлынг уит: халевыт, пуночкат, серматкат ёхтысыт... Ман сярысь совыр, нерпа, торевыт васув...

Полюст олупса оли! Тох хансилув!

Ам палаткан ювле ёхтсум, тувыл дневник нэпакын хансунгкве патсум. Ам „Северный полюс“ станция начальныкыг олэгум. Таи магыс маныр емтыглан овылтит касынг хотал дневникын хансыгласум. Тов порат, рупитамум юи-палт, вагтал патнэ магыс хаснэкерум катумныл нас рагаталыс. Ам аквти хассум. Пусын нэпакын хасмум юи-палт, усь та ёл-хуиглалсум.

ЯНЫГ ЯЛПЫНГ ХОТАЛ

Ноябрь ёнгхуп сатит хотал порат, ман пусын странаув ёт хус тал товлим Яныг Октябрьский социалистический революция ялпынг хотал варыслув.

Тус яктын касайт (бритват) суртгунгкве патсыт, вильтанув мойтак витыл лап-сартыслув, тувыл тусанув хот яктым юи-палт, одеко-лоныл сартхатасув. Ман ань туп овыл сёс ёмасыкве ловтхатасув. Эти палаыг ман ялпынг хотал „пасант“ унлысув. Пасан тэнутыл таг-лэкве варим олыс. Кит сир конфетка магынг нянь, панка сяквит, сыр, пут патта нянь ос торт ломт олыс. Ман ти торт ломт ялпынг хотал магыс хультуптасув.

Алпыл ат сёс пора мус пасан ватат унлысув. Тувыл ёл-хуясув. Алпыл, онтолув сёс порат ман пусын нонгх-квалсув. Молямлим, сяй айсув. Радиоприёмник палт молямласув,

ман сосса Москваув хунтлунгкве молямла-
суб.

Лов сёсыг емтыс. Ман Спасский башнят сёс
ратнэ суе хулсуб. Астал олим, ман халанувт,
мотан мотанн анкваталим, мувинтэв:

— Астал! — Кренкель восги. — Ворошилов,
лув сист унлим, Спасский карта кивырныл
кон-юв.

Нарком Красный площадин юв. Ман тав
луве хоплыгтан суе хулэв. Ворошилов войскат
мувлах мувылти. Ура-а... Оркестрыт ёнгегыт,
танкыт миргегыт, товлынг хапыт суингысь яла-
сэгыт...

Керосин лампа турманыг тэг, палатка ки-
вырт асирма, сахил масхатим, унлэв, радио
хосит Москваныл потрыт хунтлэв. Манавн
сусхати, эртум, ман пусын мир ёт Красный
площадит ёмыгтэв.

Тувыл ман манки демонстрация варсуб. Ам
СССР флаг ёт сартн ёмсум. Ам юи-палумт
Ширшов, Кренкель ос Федоров винтовканыл
ёт ёмсыт.

Ман, юртхум Сталин портретынг знамя
эли-палт тара ёмсуб. Ам вати потыр потыр-
тасум:

— Ман соссаувныл ул кос хосат олэв, ман акваыг эруптавев, ат ёрувлавев. Тит, натнэ янгкыт, ман пусын яныг мирув ёт сягтыл Октябрь революция ялпынг хотал варев.

Ракета пеламлас, винтовка патамтан суит сумласыт. Ти ялпынг хотал магыс ман салютув олыс.

Весёлый ялпынг хотал ос ёмасяквеыг варыс. Ман таве палаткан вовыслув, тувыл касынг хумн тав колбаса ломтыл майвес. Тав пойтнэыг тэс, сали товыль тармыл хуяс, та оилматвес.

Ман радио похат хоса унлысув, хоса олнэ эруптан Москва та порат демонстрациян конквалим мир хунтласув.

„ТРОЛЛЕЙБУС“

Ман сяр ёр хумыг лаввесув. Радиограммат ман ловинтасув:

„Ман сяр ёр Луи полюст оlnэ полярный похатур хумиянув...“

„Ман сяр ёр полярный похатур хумиянув пилталыг натасьлэгыт...“

Юртхумиянум ам талква оlnэм магыс му-винтасыт:

— Ёмас похатур хум! Митрич, веськат лавен, трибунат, потыртанын порат, лаглагын ёли-палн тотап пинтлэгын?

Юиовылт, ман соль похатур намыл патхатунгкве номылматсув. Кренкель сяр карыс хум, — таве Илья Муромецыг намеяслав, Ширшов — Алеша Поповичыг намеяслав, Федоров — Соловей Разбойникыг намеяслав. Анумн тан сяр ёмас намыл пинсаныл: „Руслан ос Людмила“.

Аквматнакт, кит похатурыг, „Руслан ос Людмила“, „Илья Муромец“, похрем порат янгк поктул палт миасыг. Мен палатканыл акв километр савит элан вит тара паталасмен, усмал мань сярись уит алисьласмен... Вот вотыс. Сяр турманыг олыс. Мен янгк поктул мус туп ёхтысамен. Ширшов приборанэ катыл маласьлим сунсыглас, тувыл вот ляльт ювле ёнгхыгпасмен. Похрем вотыс. Септ осьнэ мань фонарькве туйтынг похрем тара ёмаськве постыглангкве ат вермыс.

Мен ёмсумен, ёмсумен, палаткамен инг атим. Мен тикати вот ляльт ёмсумен, тикати вот сисыг миасамен. Хасьтал янгк пòталити хоигласмен, вангклыгтасмен, рагаталсумен, нонгх-лю-лимталсумен, тувыл ос ёл-патыглалсумен. Хурум кем сёс савит пора миас, мен хуюнгкве тахмаясмен, вагтал патсумен.

— Илья Муромец, — ам Кренкель нупыл лавегум, — вармальмен марсюмнуваыг емтыс. Мен типсумен.

Кренкель роттыг потыртангкве ворати:

— Нангки потыртасын: „натгалангкве эри туп пилунгкве ат эри“. Я-та, ос мось ёмыгти-мен.

Ос ильпиыг ёмматасмен. Илттыг ам лаглыл
парт охсан хоигпасум.

Та юи-палт, молях палаткамен хонтысламен.
Эт сис усьлахттал ёмнэ юи-палт, палаткат ре-
гылтахтунгкве сяр ёмас олыс.

Ам алпыл порат палатканыл янгк поктул
мус ангквалыт тусьтысум, тувыл тананыл хосит
хоса квалыг хартсум. Ань типунгкве вассыг ат
рови.

— Ти сака ёмас, — Ширшов лавыс, — ань
ман палтув ёмас ус хули хурипыг емтыс,
манки троллейбус лёнгх оньсев.

Ман, нила „троллейбус“ — ам, Кренкель,
Ширшов ос Федоров — ильпи лёнгх хосит
янгк поктул похан лебёдка ёнгхтангкве ос Луи
океан милэ ханисьтангкве миасув...

ПОХРЕМ

Рупитамув порат пора хумус минас ман ат касалалсув. 1938 ильпи тал ватимлангкве патыс.

Ман ильпи тал магыс сяр ёмасыкве сёпитахтысув. Теодорыч кит ахвтас пут савит вит туйтныл толтыс. Ман пунгканув ловтысанув, консысанув, тусанув хуратасанув. Ам Кренкель пунгк яныг атанэ яктысанум.

Яныг маув радио хосит манавн ильпи тал магыс пасялахтын латынг кетыс. Ам пакв сам, шоколад ос сыр, ильпи тал хотал магыс тотсанум... Налиман нупыл ат конфет касынг хумын мисум. Ти конфетыт „Луи мат вортолнут“ лававет. Ильпи тал ялпынг хотал сака ёмас минас. Туп хорамынг ховт ив ат олыс...

Ман январь этпос котиль порат хорамынг сэри пос самылтасув. Ань манавн тарангыг емтыс: полярный эт молях та холи. Ман

сягтсув! Полярный эт акти ман магыслув мось люль варыс. Ман мосься тэнгкве патсув, люль-сынгыг хуясув. Моляхнув хотал вос нэгли! Ань инг яныг асирманг хоталыт олэгыт. Похрем аквписыг воти!

Ман „советыт дворецув“ алатэ мус туйтыл рагтувес. Весёлый, пилтал „советыт дворецув“ алат, ёралахтим, яласи. Тав похрем сака ат эрупти. Похрем вотнэ сис Весёлый аквпис мори нянгхи. Похрем ротми, тав усь та астал пати.

Похрем мосьсян ёл-патыглас, ватихал сяр яныг похрем олыглалыс, юртанув китах кем метр палитныл самылтангкве ат вермыглалсув. Тамле похрем порат палатканыл кон-квалунгкве ат ровыс. Кос кепыл мана хурип похрем ат олыс, Женя Федоровын янгк колэт аквти рупитангкве эрыс. Тав приборанэ тот олсыт.

Тонт ман номылматсув. Кер мантыт (заступыт), ив мантыт киссув, тувыл туйт кивырт лёнгх пинсув. Ман палтув туннель емтыс. Тав метро хурипаыг оли, туп ти лёнгх ма ёли-палт пиним ати, туйт ёли-палт варим. Ань сяр кантынг похрем порат ман Женя такви палтэн рупитангкве яланталыс.

Туп тав тов порат тот рупитангкве ат вер-
мыс.

Янгкув сака вортувес, таи магыс тав прибо-
ранэ торгысыт.

Вот ёрыл янгкув моляхныл молях тотаве.
Ман али ма нупыл, ватат похан натвесув. Ань
манавн потыртангкве эсырманув емтыс, ман
Луи полюст олэв. Янгк полюсныл хосан
тотвес.

Ман, совырыт хольт, аступтахтим, олэв. Янг-
кув илттыг мот яныг янгк капаин хои, саквали?
Аман осьнэ складув илттыг хот-манумтаве?
Ман ат пилэв, туп ат тангхев, пилисьманг вар-
мальн нас вос пормасанув илттыг ул ёхтнувув.

Ам сунит сёпитасанум, мот эрнэ пормаса-
нув акван атсанум. Перемань сирыл усьлах-
тунгкве патсув.

Ман ат марсюмласув.

Петя Ширшов манавн Маяковский хансим
стихотворениет ватихал потырталыс:

Похрем катын майхатэн,
Люльсынг похрем майхатэн.
Али ма полюс тара паттилум.
Ос луи полюс магыс, потыр атим.

Туйт суингысь палатка алан патыглас. Тов порат ануни сусхати, эрынгпыл, ман койп кивырт олэв. Кон янгк саквалан ратнэ суй суйти, сома пушканыл патамтэгыт, аман яныг товлынгхап моторанэ кургегыт. Аквти сёс янгк покапангкве ман поварангкве верми ос ман ёт хартаев. Ягпыганум аквти ат марсюмлалсыт. Ман олмув палитыл пусын сав сир пилисьманг вармалыт васинтасув, акваыг ёлимталсув. Тит ос ёлимтэв.

ЯНГК САЛМРИСИТ

Овыл февраль эт ёхтыс. Ман ти эт акваыг номтанувт онсьюнгкве патинув. Ам хуюнгкве ат вермысум. Похрем порат ам акваыг люльсынгыг хуиглалсум, аквписыг хунтласум, ман янгкув аман ат саквали. Похрем хотит этангхотал сис вотыс.

Кренкель уральтас ос ат хуяс. Тав потырти:
— Дмитриевич, ат хуегын? Я-та, шахматыл ёнгимен.

— Ёнгимен!

Шахматыт унтталасмен, ёнгунгкве овылтасмен.

Палатка кони-палт пилисьманг похрем вот воти. Туйт палаткан ратхати. Петя ос Женя хуеыг. Кренкель шахматыл нявли, ам ёрыл аквмат воинтахтэгум. Мен хоса унлысамен. Ат сёс порат илттыг хулигмен—палатканув лятги!

— Теодорыч, хулэгын?

— Хулэгум, Дмитрич! Ялэн, нанг лёнгхын!

— Ласял, мось урхатэн. Кон-квалэгум, маныр емтыс, ангкваталэгум.

— Дмитрич, унлэн, ам кон-квалапалэгум!

Тав кон-квалыс. Анумн ам ат ваглум, маныр варунгкве: аман ялнэ лёнгх нупыл номсунгкве, аман юртехумиягум [нонгх-сайкатангкве? Кренкель юв-сялтыс, туйт ёл-пургалтангкве патыс.

— Нэматыр ат нангки, сяр турман, — тав ильпиыг шахмат парт похан унтыс, — нэма тлюль атим, элаль ёнгимен.

Ам акв сёс яласум. Ти порат палатканув ос лятгунгкве патыс. Тав нас лятгунгкве ат пати, тав ётэ мат сир люль вармалы емтыс. Ам Петя ос Женя нонгх-сайкатангкве патсагум:

— Пыгквеыг, нонгх-квалэн, палатканув хотмус люльсынгыг лятги.

Женя хуйнэ хурыгныл пунгке кон-тактыстэ, тувыл хунтлунгкве патыс:

— Дмитрич, ам номсэгум, ти туйт нас ёл-унти.

Ширшов потырти:

— Кон-квалэгум, ангкваталэгум. Ам саагум нананылныл ёмаснув сунсэыг.

Тав молях масхатыс, та минас. Ялас, ялас тувыл юв-сялтыс, роттыг лавыс:

— Туйт палт вармаль атим, ти янгкув манав элаль тотунгкве вассыг ат касаси. Акваыг осься янгк поктулыт, сома сэмыл мань ялпынг уит нэглалэгыт!

Ман пусын нила хум фонарит ёт висув, кон-квалсув. Нянгра вот вильтанувн хои, манав ёл-рагатаптунгкве капырти, самагув туйтыл равтавет.

Фонарь най лагланув ляпат постыглас. Та порат ман касаласув—янгканув полиг поклыс, сома касаил яктувес.

— Ман янгкувн хотпа-та люль самыл ангк-ватас,—Теодорыч лавыс,—таи магыс саквалас. Минэв, сяй аев, элаль маныр варунгкве патэв ос номсахтэв.

Ман палаткан ювле сялтсув, тувыл примус пеламтасув. Петя сяй пут астынэ сис ос акв сёс кон-квалапалыс, хумле-хумле янгкув оли. Тав молях тув-хайтлыгтас, лавыс:

— Юртхумиянув, ман янгк салманув киттыг миначыт атах-кем метра панхвитыл емтысыт.

Ман примус хот-харыгтасанув, янгкын кон-

квалсув, касаласув, овыл поктул конипал ос сав поктул олыс. Тот, антэнна ёли-палэнт, ман ос китит, тувыл хурмит касаласув. Акв янгк поктул ман палатканув ёли-палн ватимлас. Ман янгк хара маув ломтыг покапас...

— Ягпыганум,—ам лавсум,—лагерь мувлахе мувылталнын порат ургалим яласэн, янгк поктулн ул рагатэн. Нананылнын хотпа хотьют янгк поктулн рагати ке, тонт номсэн, кит хум порсыг мини. Та порат анумн юв-минунгкве вассыг ат рови. Нан ваглэн, ам нанан урнэ хумыг олэгум.

Ман Москван радиограмма кетсув:

„Олнэ палатканув ёли-палт янгк поктул емтунгкве аступтахтыс. Туйт колн вантлунгкве патэв. Радио хосит латынг кетнэ пись ат емти ке, нан ул пилэн. Ман палтув пусын ёмас емти“.

ЯНГК ЛОМТ ТАРМЫЛ

„Янгк ломтрисюв“ аквписыг маниыг саквалас. Янгк поктул ман ёли-палтув пангхвынгыг емтыс. Палаткаув витыл сосунгкве патвес.

— Ягпыганум, — ам лавсум, — вантлын пора ёхтыс. Ти колувт элаль олунгкве ань пилисьманг емтыс.

Ман „советыт дворецувт“ нёлолув ёнгхупсис акв номтыл олсув. Ань ман ти колув тув хультуптаслув, ярмак тор палаткан вантлысув.

Ань ман футбол ёнгын кан янит янгк ломт тармыл олсув. Хот покапим янгк ломтыт ёт ман тэнэ пормасанув складыт натвесыт. Аквматнакт, Петя ос Женя касаласыг, това тэнэ пормас складанув янгк ломтыт халт натгалавет. Ман суныт висув. Ман акробатыт хольт акв янгк ломтныл мот янгк ломтын поргысув ос тэнутанув, пормасанув ургаласанув. Ань ман

тэнутанув хурум этпос сис олунгкве магыс товылхати.

Ман керосин ёт хусапыт хумус натгалавесыт суссув, туп танан катын паттунгкве ат вермысув. Ман васув, янгк ломтыт халт лебёдканув хумус натгалавес. Таве катын паттунгкве ос ат вермысув.

Похрем акваыг вотыс. Похремн ман ярмак палатканув хот-манумтавес. Ман туйт кол унтысув. Тэнутанув ос пормасанув суныт тармыл пинтласанув. Пилисьманг минута порат суныт мот ман тотунгкве купнитыг вос олыс.

Тарвит пора олыс. Ман янгк ломт тармыл олэв, мувлахе вит, тав туйтыл пантим оли. Вот вотнэ порат хоталь рагатэгын ке, юртехумитн ат хулити. Турмант ат касалияныл, ат хонтияныл. Тонт ман янгк ер хосит мань сэмыл флагыт тусьтыгласув. Ти дежурныит магыс варим олыс, тан лагерюв мувлахе мувылтименыл янгк поктулн ул вос рагатанувыт.

Ман мось хурамлалсув ман ати? Осхум, мось хурамлалсув. Ман васлув: ман ётув маныр сир нак ул емти, родинаув манавн нёти, нэмхуньт тох ат хультупти.

Ман радио хунтлысув. Янгкыт, хумпыт тара

мань наинг хап „Мурманец“ молямлим ман пал-
тув юв. Янгк сакватан наинг хапыг „Таймыр“
ос „Мурман“ ти ювыг. Янгк сакватан яныг „Ер-
мак“ пангхвынг сярысин минач. Тан пусын ман
палтув нётнэ магыс молямлэгыт. Нётмил ляпам-
ли. Я-та, марсюмыг олунгкве ат патэв! Пусын
вармалюв ёмасыг мини! „Луи полюс“ станцият
рупота пес сирыл элаль мини!

Эрнст лавим порат погода магыс радио хосит
сводка кетыглас. Женя уральтас, янгк ломт
манав хоталь натиянэ. Петя пес сирыл сярысь
ханисьтас.

Аквмат порат, Женя палаткан хайтлыгтас,
ронгхувлас:

— Кон-квалэн! Торевыт ёхтысыт!

Эрнст ат агтыс:

— Товли! Товли!

— Молях! Ам нанан веськат потыртэгум!

Ам писалъ катын алмаясум, кон-порыгма-
сум. Соль! хурум нярав торев нангкегыт!

Весёлый такысь хортыс, торевыт халт ёнг-
хыс. Ам пилсум, Весёлый писалъ нялытн хояве.

Писалюм тактыгпаслум, тувыл патлуптанг-
кве патсум. Хурум торев тув та рагатасыт.
Весёлый ос пуштагыл хультыс.

Ам яныг ахвтас пут капай тагыл торев нё-
выль пайтысум. Тэнгкве унтсув. Ягпыганум
анияныл анузн тактияныл:

— Дмитрич, анузн савнув пинэн!

— Анузн сав сосэн!

— Анузн ос мось пинэн!

Ам номсысум, ти пайтим торэв нёвыль
нилах кем хотал палитын товли. Нас ати, ягпы-
ганум хотал сис пус ахвтас пут капай аступта-
саныл.

ПУСЫНН, ПУСЫНН, ПУСЫНН...

Ман февраль 'этпос хурмит хотал порат сав ёнгхуп хультим юи-палт овыл сёс хотал касаласув. Тав выгыр, яныг, элан, горизонтныл нонгх-нэглас. Ман сака сягтсув.

Ман, прожекторныл най пос хунь касаласув, тонт ос та кони-пал сягтсув.

Ти прожектор най Кренкель овлэт касалас. Ман та порат хуясув. Эрнст манав такос нонгх-сайкатангкве касасяс, тувыл номсыс: илттыг ти сов пос элын нангки, тонт юртхумиянум ам нупылум мовинтангкве патэгыт. Ти нангкнэ сов аквписыг посынгыг ос посынгыг емтыглас. Теодорыч тарапаттыстэ: ти сов хурипаыг ат оли, ти советский корабль прожекторе пости! Тувыл тав манав нонгх-сайкатангкве патыс:

— Юртхумиянум, юртхумиянум, сунсэн, тот матыр та пости!?

Ман кон-квалсуб, тув-суссуб.

Ура! Нётмил сяр ляпат оли, тав тот, янгкыт сист, нангки.

Ам патефон сёпитасум. Ман эруптан эрыг хунтлысуб:

Ман сосса маув сака яныг, пахвынг...

Тувыл ман палтуб товлынг хап ёхтыс. Онтолов ёнгхуп олмув сис ман ти овыл товлынг хап касаласуб! Товлынг хап тотнэ хум мастерынгыг янгк тармылн исыс. Ам тав палтылэ хайтлыгтасум. Ти Власов олыс. Мен синыйтахтысамен, аниглахтысамен. Сягтумныл мен халамент потыртангкве ат вермысамен. Туп халамент катагамен тангырласнамен, ос сипыглахтысамен.

Власов ман магыслуб письмот, мандаринит, пиво тотыс. Ман янгкув нупыл лёнгх тактнэ магыс, тав ювле кораблит палт тыгламлас.

Ман алпыл порат сам турпа (бинокль) тара хосат, янгк сист, посим касаласуб. Ти наинг хапыг. Тэн янгк поктулыт хосит ман палтуб ювыг. Женя ос Пётр Петрович тусаген хураталасаген, тувыл хансим тетрадил талтим сун сунсыглангкве патсыг. Ти сун манавн олупса-

ныл тинингыг олыс. Ти сунт хотпан нупыл кит килограмм хансим нэпак талтим олыс. Ти хансим нэпакыт палт Луи океан, Луи полюс тарапаттан магыс хансим олыс. Ти наука магыс, родина магыс ман муйлупсанув!

„Таймыр“ ос „Мурман“ янгк ломтув ляпан ёхтысыг. Нёлсат элмхолас наинг хапныл выгыр знамя ёт ман палтув хайтсыт. Ман нила хум тан ляльтэн минасув. Советский мир элмхоласыт Гренландия ватат ляльт ёхтысыт. Сярысь махум ман палтув лайхатунгкве ос сипыглахтунгкве емтыгласыт... Экспедиция начальник Остальцев команда мис:

— Смирно!

Тав ам похам ёмматас, тувыл сохтыг люлимтас:

— Правительство лавнэ сирыл кораблит „Таймыр“ ос „Мурман“ нан палтан ёхтысыг! Приказ урегум!

Та юи-палт тан манавн сипыглангкве, аниглангкве ос катэнт хосгунгкве патсаныл. Касынг хум номнэтэ магыс манавныл матыр вингкве та магыртас. Ам осьнэ пальтанумныл акв ломт хот-манумтавес. Кренкель маньсупныл акв ломт хот-манумтасаныл.

Номнэн магыс тан консерв хусапыт, шоколад, кирпась холыт полим книгат войласыт.

Танки выгыт, тувыл ос вовегыт:

— Сяй анил муйлуптэн!

— Нэпак палт матыр хансэн!

— Пут варнэ бульонный кубик муйлуптэлн!

Ам тананылн лавсум:

— Маныр оли пусын воелн, туп наука магыс хансим нэпакыт ул новелан.

Ман хоти наинг хапын унтнэ магсылув, тан халанылт ворасьлангкве патсыт. Наинг хап „Таймыр“ мир потыртэгыт:

— Ман палтув яен. Нан магсалэн каютат колнорыт ярмак торыл пантим олэгыт, систам ванна (пувлынкол хурип лавтхатан ма) сёпитим оли.

„Мурман“ мир манав похан тотияныл, мовинтим восгегыт:

— „Таймырн“ ул унтэн, тот сав лутак оли.

Та порат хоти наинг хапын унтэв? Тувыл пись варунгкве номылматсув. Нэпак ломтыт хассув, кент кивырн пинаснув ос лапалахтын вармаль ул варнэ магыс, ман ёмасыкве уральтасув.

Мен Кренкель ёт акв нэпак луптал алма-

ясмен. Менменн „Мурманн“ унтнэ магыс нэпак луптаыг олсыг, Ширшов ос Женя „Таймырн“ унтнэ магыс нэпак луптаыг висыг.

Весёлый ам ётум „Мурманн“ сялтыс.

Сярысь хумит аnum китыглияныл:

— Иван Дмитриевич, Москват Весёлый хоти колт олунгкве пати?

Ам ювле лавсум:

— Ман таве Сталин агрисен — Светланан муйлупсаыг мингкве лавхатасув.

Ман пусын пормасанув кораблигын тотыг-ласанув.

Ам Кренкель похан ёмматасум, лавсум:

— Теодорыч, юиовыл радиограмма радио хосит кетэн.

Кренкель юртхум Сталинн, „Северный полюс“ станция рупотатэ астынэ магыс рапорт кетыс. Рапорт юиовыл латнге тох хансим олсыт:

„МАН СОССА СТРАНАУВ ВЫГЫР ФЛАГ ПАНГХВЫНГ ХАРА МА ЛУИ ПОЛЮСТ ЯНГКЫТ НУМИ-ПАЛТ ХОСЫГХАТИ“.

Пусын астысув, минунгкве рови.

Кренкель радио хосит латынг кетыс:

— пусынн, пусынн, пусынн, эти палаыг нила сёс, онтолувхойпловит хотал, февраль этпост 1938 тал. Луи полюс станция рупотатэ аступтэгум.

Тав кер квалгыт хот-маныгтасанэ. Ман наинг
хапыгн миасув.

Ам ювле ёнгхыгпасум, тувыл выгыр флаг
ив охсатэ такысь такмальтаслум, вотн ул вос
ёл-паттынуватэ, тувыл мирув молях юил ёхта-
санум.

Ос ёмас улум, янгканув!

МОСКВА

Ман онтолов ёнгхуп сис ань овил сёс усь та ёмасыкве ловтхатасув. Онтолов ёнгхуп сис ань овил сёс пунынг маснутанув хот-ангхвысанув, тувыл ёмас нуй мань пальта маснутыл масхатасув. Ман онтолов ёнгхуп сис овил сёс пунынг хуйнэ хургыт паттыг, ёмас перья тармыл, регынг каютат хуясув.

Сярысь мир ман магсылув мань няврамыт осьнэ хольт сапотитахтысыт.

— Папанин, тэнгкве аман тангхегын? Кренкель, сяй аюнгкве ман касасегын? Сангквалтан (музыка) суй нан магсылэн торас аман ат вари? Каютат нанан ёмасыт ман ати?

Маң усьлахтнэв порат тан каютанув похат лагыл туля овлыл ёмыгтасыт.

Тувыл ман янгк сакватан наинг хап „Ермакн“ вантлысув. Тот ман магсылув ос аквта хурип ёмас олыс.

Сав хотал хультим юи-палт, ман советский ма вата усь та касаласув. Ман родина маувн люлимтасув. Ленинград уст ман яныг сотыр кем мирн встречайтавесув.

Туп яныг, липась советский мир такви ягпыганэ тох встречайтангкве верми. Ти вармаль магыс потыртангкве латнгыт ат товылхатэ-гыт.

Москван та ёхтысув.

Москва ус хулиянэ олнэ мирн тагынтим.

— Папанинцыт! Папанинцытн пася! Папанинцытн ура!

Хорамынг луптат, музыка,—ос хорамынг луптыт... Ман Кремльн минэв...

Сартын ам Сталин туп хоса маныл сунсыгласум, ляпат нэмхуньт ат васинтасум.

Ам сака хурахлавесум. Ам знамял эли-палт ёмсум. Ягпыганум юи-палум ювыт. Ман яныг колнакын сялтэв. Ам Сталин, Молотов ос Ворошилов вагум...

Ам юртехум Сталин похан ёмматасум:

— Тинынг, сяр эруптан Иосиф Виссарионович! Луи полюс тарапаттан, ханисьтан магыс ман родинаув маим задание товылтасанув!

Та порат аумн нэмхуньт ат ёрувлан
минута ёхтыс: Иосиф Виссарионович аум
сипыгластэ ос такысь анигластэ.

Ам, хурахлим, выгыр знамя тав катэн
мислум. Ти знамя ман ётув Луи полюст
олыс...

Приложение

И. Д. ПАПАНИН

НА ПОЛЮСЕ

К ДЕТЯМ

Родные, милые ребята!

Радостно смотреть на вас. Вы живете в такое счастливое время! А вот как вспомнишь свое детство — тяжело делается.

Я родился в городе Севастополе, на Черном море. Отец был матрос. Мать шила тяжелые паруса в порту.

Восьми лет меня отдали в школу. Я учился хорошо, был лучшим учеником в школе. Учиться мне очень хотелось.

Но когда я окончил четыре класса, отец сказал:

— Придется тебя, Ванюша, из школы забрать. Туда плати каждый год два рубля, где их взять? У меня ведь вас, бутузов, шестеро. Ступай работать, будь отцу помощником!

Делать нечего. Пришлось пойти на завод. Я учился на токаря.

Тяжелая была работа. Сперва был мальчиком на побегушках. Гоняли меня туда-сюда кому не лень, а получал в день 10 копеек. Еще издевались. Бывало, скажут:

— Ученик, подай-ка заклепку!

Быстро схватишь ее, а она — раскаленная. Я — в слезы, дую на обожженные пальцы, а кругом — смеются.

Много зверства было. Нас, учеников, то и дело колотили.

Но все-таки я стал токарем.

Потом меня забрали в царскую армию, во флот. Жил в казарме. Казарма была, как тюрьма. Вонь, грязь, кормили

плохо. Офицеры матросов ругали и даже били. За каждый пустяк над ними всячески издевались, за людей не считали. Помню, прибежал однажды младший братишка, полдня плакал под воротами, чтоб меня вызвали. А когда я вышел к нему, он говорит:

— Иван, мамка умерла.

Он заплакал, и я заплакал. Он плачет и говорит:

— Иван, а хоронить ее некому, приди хоронить!

Я пошел по начальству, прошу:

— Ваше благородие, отпустите мать похоронить!

Не пускают! Три часа умолял, клянчил. Наконец отпустили, только велели скорей возвращаться. Я едва успел вырыть могилу и бегом обратно в казарму.

К счастью, такая жизнь кончилась.

Пришла революция. Долой буржуев! Долой царя! Началась война с белыми. Они хотели над нами опять царя и генералов поставить.

Я много воевал с белыми; строил бронепоезда, был комиссаром, командиром. Много пришлось пережить опасностей.

Один раз я с товарищем забрался к белым в тыл. Мы организовали там красные партизанские отряды. Пора обратно, но выбраться было трудно. Меня положили в мешок и под видом мучного куля погрузили на пароход. Муку повезли в Турцию. Там я потихоньку вылез из мешка и стал пробираться на родину. 21 день шел я пешком по горам. Одежда на мне порвалась, я превратился в нищего, просил в городах хлеба. Зато добрался до Советской России. Отдохнул, и опять на фронт!

А потом, когда мы белых совсем прогнали с Советской земли, я поехал на Север. Мне там понравилось. Я там несколько раз зимовал.

Мне все хотелось забраться как можно дальше на Север.

В 1937 году моя мечта исполнилась. Я был начальником зимовки на полюсе. Мы вчетвером прожили на льдине девять месяцев. Нас послал туда товарищ Сталин. Его задание мы выполнили.

Но на Севере еще много работы. Вам, ребята, наверное, всем хочется стать полярниками. Но для этого вам надо вырасти, набрать побольше сил и многому научиться.

Дорогие детишки! Учитесь, учитесь и учитесь. Кончайте школу, потом вуз. Север требует образованных людей. С неграмотными он расправляется очень жестоко. Зато ученых, культурных людей он принимает хорошо. И все те богатства, которые в нем таятся, он щедро отдает на благо нашей великой родины!

ЧЕРНАЯ ПАЛАТКА

Это было в 1937 году. Великий летчик Чкалов задумал очень трудное дело — лететь через полюс в Америку.

Но товарищ Сталин сказал ему, что сначала надо изучить полюс. Надо послать туда лучших полярников. Пусть поживут там, пусть разузнают все как следует, пусть сообщат, какая там погода. Тогда и можно будет лететь.

И вот товарищ Сталин собрал лучших летчиков нашей страны. Он советовался с ними: можно ли на самолетах добраться до полюса? Можно ли там сделать посадку? Можно ли пожить на полюсе?

Летчики говорили:

— Можно!

Особенно увлекался знаменитый летчик Водопьянов. Он говорил:

— У нас много замечательных самолетов. У нас много отличных летчиков. Они умеют вести самолет сквозь туманы

и облака, в злой мороз и в темную ночь. До полюса долетят. А там сядут на лед и выгрузят зимовщиков.

Некоторые сомневались:

— А вдруг лед провалится?

— Нет, там лед вековой, толстый!

— А вдруг самолеты не долетят?

— Должны долететь, моторы сильные, хорошие!

Долго советовались.

Товарищ Сталин все обдумал и разрешил полет на полюс. Все стали готовиться.

Меня назначили начальником зимовки на полюсе. Я был рад. Правда, я знал, что дело мы затеяли нелегкое. Ведь на полюсе ещё никто по настоящему не был. А сколько народу пыталось до него добраться! И все почти погибли.

Норвежский полярник Нансен три года скитался по Северу, так и не дошел до полюса. Русский путешественник Седов два года бродил по льдам, так и не дошел, погиб. И еще десятки других!

Но я не боялся. Я знал: все они погибли потому, что им никто не помогал. Богачи им денег не давали.

У нас — другое дело. Нам поможет весь народ, нам помогает сам товарищ Сталин.

Я был спокоен. Где бы ни очутился советский гражданин — в тайге, в океане, в степи — родина его не оставит, родина его спасет!

И вот я собрал своих товарищей — Кренкеля, Ширшова, Федорова — и сказал:

— Давайте, братки, думать, что нам нужно для полюса!

Кренкель сказал:

— Мне нужна хорошая радиостанция, чтобы я мог говорить с полюса по радио с Москвой, со всеми, со всей землей.

Ширшов сказал:

— Я буду изучать глубины Ледовитого океана. Мне надо лебедку с длинным стальным тросиком (тоненькой проволокой), микроскоп и еще шелковые сетки, и всякие приборы.

Федоров сказал:

— Я буду по звездам и по солнцу определять, где мы находимся. Буду следить, куда везет нас льдина. Мне надо много астрономических приборов.

А я сказал:

— Ребятки, мы едем на полюс на целый год. Нам надо хорошую палатку и электричество для радио, и резиновые лодки, и посуду, и папиросы, и топоры, и еще много всякой всячины. Нам нужен запас еды. Но еда для нас должна быть приготовлена по особенному, чтобы мало места занимала и чтобы не испортилась.

Для нас все сделали. Приготовили на два года еды в виде плиток и кубиков. Выжали пятьсот лимонов и получилось десять кило лимонного сока. Придумали замечательную палатку. Изготовили точнейшие приборы. Снарядили лучшие самолеты.

Когда все было готово, я сказал:

— А теперь, братки, надо все проверить. Давайте, поживем где-нибудь под Москвой, будто на полюсе, и все проверим.

Вот мы погрузили наше имущество на машины и выехали за Москву. Была зима. Кругом лежал снег. Я выбрал полянку:

— Чем не полюс!

Стали разбивать палатку. Укрепили палки, натянули парусину, чехлы из гагачьего пуха. А поверх всего черный брезент с белой надписью: „Дрейфующая станция“.

Потом мы надели полярные костюмы: шубы, меховые чулки, шапки с ушами. И стали жить, будто на настоящем полюсе.

Сами себе готовили обед. Бросим кубик в кипяток, получаются щи. Из одной плитки получались котлеты. Из другой — компот. Все было очень вкусно.

Ширшов и Федоров испытывали приборы. Кренкель установил радиостанцию и давай разговаривать с Москвой и с другими городами.

Вечером он сказал:

— Иван Дмитриевич, можно, я съезжу на часок в Москву?

Я напомнил:

— Теодорыч, ты забыл, что мы на полюсе.

Эрнст улыбнулся:

— Но ведь Москва рядом.

И он укатил в Москву. Через час, правда, он вернулся.

Шесть дней мы жили под Москвой. Все проверяли: годится ли палатка? Хороша ли радиостанция? Точны ли приборы? Тепла ли одежда?

Все было хорошо. Мы вернулись в Москву. Я заявил:

— Мы готовы лететь на полюс!

ЛЕТИМ!

И вот на Московском аэродроме выстроились четыре огромных воздушных корабля. И еще один самолет поменьше. На нем один летчик полетит вперед, на разведку.

С нами летят отличные летчики: Водопьянов, Молоков, Алексеев, Мазурук, Бабушкин... С нами летит замечательный штурман Спирин.

Загудели моторы. Поднялся вихрь. Мы забрались в кабины. Провожающие махали шапками, кричали:

— Счастливого пути! Счастливой зимовки! Привет Арктике!

Никто не кричал: „Пишите письма“; ведь на полюсе почтового отделения пока еще нет. Поэтому все просили Кренкеля:

— Передавайте почаще радиogramмы!

— Ладно. Счастливо оставаться!

Одна за другой поднимаются тяжелые машины. Летим! Летим на полюс!

Я все беспокоился — хватит ли нам еды? Вдруг нехватит? А ведь на полюсе магазинов нет. Правда, мы запасли вдоволь всего — и мяса, и фруктов, и колбасы, и сладостей. Даже пельмени были. Но мне все казалось — мало. Летчики говорили:

— Иван Дмитриевич, хватит грузить, пожалей нас.

А я все-таки исхитрился. Повсюду насовал всяких продуктов: в крылья, под сиденья, в хвост.

И вот мы прилетели в город Холмогоры. Погода плохая, лететь дальше нельзя. Я решил проверить продукты. Открыл банку с пельменями — а там одно тесто. Стало тепло и пельмени испортились. Пришлось их выбросить.

Летчики посмеиваются:

— Что, Иван Дмитриевич, пельмени-то — ау!

— Ничего. Вместо пельменей корову возьму.

Мне очень хотелось привезти на полюс живую коровку. И свинку.

Но летчики не хотели брать корову в самолет:

— Ты бы еще, Иван Дмитриевич, слона привел!

Тогда я прикатил бочонок со сметаной.

— Вот, вместо пельменей.

Сметанку они взяли.

Погода стала лучше, мы полетели. Прилетели в Нарьян-Мар. Водопьянов подходит:

— Иван Дмитриевич, угости сметанкой.

— Пожалуйста.

Беру бочонок, а он удивительно легкий. Заглянул — пустой. Что за диво? Все смеются, заливаются:

— Перехитрили мы тебя, дядя Ваня!

Оказывается, они украдкой проделали в бочонке дырку и через трубку потихоньку потягивали сметану. Так всю и высосали.

Я говорю:

— Нет, не перехитрили, потому что я вместо сметаны этот бочонок рыбой нагружу.

А сам думаю: „Рыбку-то вы уж через дырочку не высосете“. Летчики видят — со мной спорить трудно. Пришлось им взять рыбу на самолет.

Снова заревели моторы. Полетели дальше — на остров Рудольфа.

На Рудольфе мы прожили несколько дней. Погода стояла плохая и лететь дальше нельзя было.

Познакомились с новым спутником. Это был небольшой смышленный пес — сибирская лайка, с острыми ушами, с закрученным в крендель хвостом. Она звонко залаяла на нас. Кто-то сказал:

— Из этой собачки отличный полярник будет! Веселый пес! Так и осталась кличка: Веселый.

ТАК ВОТ ОН, ПОЛЮС

Наконец, небо стало чистое, солнышко...

Можно лететь. Теперь прямо на полюс!

Быстро приготовили машину. Она была сильно нагружена. Аэродром на Рудольфе круто обрывается над морем. Надо оторваться от земли во-время, не то — гибель.

Но недаром за рулем сидел замечательный летчик Герой Советского Союза Михаил Водопьянов. Тяжелая машина легко взлетела. Мы в воздухе. Курс — на полюс.

Это было 21 мая 1937 года, в 4 часа 52 минуты.

Летим очень высоко. Ровно гудят моторы. Мы жадно смотрим вниз. Но там — облака. Иногда видны просветы, „окна“. В „окнах“ мелькают льды, льды, льды...

Так летим уже шесть часов.

Вдруг штурман Спириин и Женя Федоров в один голос закричали:

— Полюс! Мы над полюсом!

И руками показали Водопьянову:

— Вот он, полюс!

Водопьянов повел корабль на снижение. Все ниже, ниже... Пройшли облака. Под ними — туман. Наконец, туман кончился. Водопьянов стал выбирать льдину для посадки.

Долго кружил он над белыми льдами, приглядывался. Наконец, он выбрал огромную льдину и стал летать над ней, прицеливаясь, как лучше сесть.

Машина совсем низко.

Лыжи коснулись льда, заскользили, и машина остановилась.

Мы все, 13 человек, выскочили на лед, стали друг другу жать руки, стали друг друга обнимать, целовать, поздравлять...

Мне кричат:

— Иван Дмитриевич, хозяин полюса, принимай свои владения!

Я оглядывался. Кругом ледяные поля. Так вот он — полюс, который считался недоступным, из-за которого погибло столько смелых путешественников. Теперь на полюс ступили мы, большевики.

Кренкель раскинул радиостанцию. Но что-то там застыло. Часы идут, а радио все не работает. Все волновались: мы на полюсе, а никто про это не знает, и наверняка думают, что мы погибли. Кренкель успокаивал:

— Ничего, наладится.

Через одиннадцать часов радио заработало. Мы обрадовались и сразу же передали товарищу Сталину первую радиограмму с полюса.

ЗИМОВКА НАЧАЛАСЬ

Закипела работа. Кто нарезал из снега кирпичи, кто складывал из них стены для радиостанции, кто разгружал самолет, кто разбирал нарты...

Мы с Петром Петровичем поспорили — какой толщины лед? Долбили-долбили льдину, двадцать раз вспотели, наконец добрались до воды. Толщина льдины — больше трех метров.

Солидно, жить можно!

Скоро к нам прилетели остальные летчики: Молоков, Алексеев, Мазурук. Они привезли лебедку, палатку и Веселого.

Пес забегал по новому месту, стал шнырять носом, принюхиваться. Все смеялись:

— Веселый нюхает полюс.

Летчики разбили для себя лёгкие палатки. А мы поставили нашу большую, черную, ту самую, в которой жили под Москвой. Мы ее собрали, свинтили, обтянули парусиной, устлали шкурами, пристроили кухню, коридор, и получилось очень хорошо.

Кренкель пошутил:

— Симпатичная квартира со всеми удобствами в центре... Ледовитого океана.

Мы туда вселились и устроили новоселье. За палаткой шумела пурга, выл ветер, а нам было тепло и хорошо. Мы сидели у керосинового огонька, ели вкусные вещи, вспоминали Москву, товарищей, родных...

— Не палатка, — хвалили наш дом летчики, — а настоящий „дворец советов“.

Около „дворца советов“ стоял ледяной „дворец“ — радиостанция. Рядом замахал крыльями наш ветряк — „мельница“. За ним стояли нарты с продуктами. Получилась целая улица. Рядом с палаткой развевалось красное знамя с портретом товарища Сталина.

Прошло 16 дней. Все, кроме нашей четверки, стали собираться в обратный путь. Я уговаривал:

— Не торопитесь, поживите еще. У нас хорошо.

— Нет, спасибо! Мы вас привезли, помогли устроиться, пора домой.

Они стали укладываться. Я ходил к летчикам и все просил:

— Отдайте мне, что у вас лишнего. Вы скоро дома будете, а нам тут пригодится все.

И они давали — кто сковородку, кто кастрюлю, кто ведро. А Мазурук подарил даже патефон, и на красной крышке написал:

„Кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет“.

А если кто не хотел дарить, я грозился:

— Все отберу, отпущу в одних трусах, все равно вам на юг ехать.

Ведь с полюса куда ни пойдешь, везде юг.

На прощальном обеде я говорил:

— Вы улетаете, мы остаемся далеко от любимой родины. Но наши сердца всегда будут вместе с нашей страной, с большевистской партией, с народом.

Последние поцелуи, последние объятия.

Машины прошумели над нашими головами. Мы машем шапками:

— До свиданья, до свиданья...

И вот самолеты скрылись. Мы — одни!

— Ну, братки, — сказал я, — зимовка начинается.

Кренкель надел наушники, Федоров стал смотреть в астрономическую трубу, мы с Ширшовым отправились к ледке.

Работа станции „Северный полюс“ началась.

КАНАЛ „МОСКВА—ПОЛЮС“

Работы было много.

Мы занялись „снежным“ строительством. Из снега мы нарезали кирпичей и построили кухню. Из снега мы сделали домик для научных занятий Ширшова...

Много возни было с продуктами. Мы разделили все наши запасы на три части и разложили в разных концах льдины. Если льдина расколется и один склад утонет, или его раздавит — не страшно! У нас останутся еще два.

Продукты мы зарывали в снег, чтоб не портились. Но солнце разрушало наши „холодильники“. Первое время оно не хотело заходить и сияло над нами без передышки. Ложимся спать — солнце, встаем — солнце. Все время сплошной день. Мы только по часам узнавали — утро, вечер или ночь.

Солнце грело так сильно, что снег около бидонов с продуктами таял. А ведь там у нас была свежая рыба, свинина — того и гляди протухнут. Давай перетаскивать наши запасы на новое место!

Мы впрягались в нарты и, как добрые кони, перевозили за один прием по 25 пудов груза. Скользко, мокро, то и дело спотыкаемся, падаем — но везем, подбадривая друг друга. Работа нелегкая, от такой работы глаза, как говорится, на лоб вылезали!..

Вода донимала нас. Все таяло. На льдине стояли озера и моря. Мы плавали по ним в нашей надувной резиновой лодке.

В палатке было сыро. Одежда намокала. Просушить ее было негде. Сухого местечка не найти. Под ногами хлюпало. Но мы не падали духом, шутили, держались бодро. У нас был такой порядок: если у тебя на душе кисло, не подавай виду, крепись!

Около нашего „дворца“ текла настоящая река. Я превратился в инженера и построил из досок мост.

Но „река“ все ширилась, подбиралась к палатке. Я решил соорудить канал. Взял пешню и продолбил во льду канаву — от палатки до трещины. Так я отвел воду от палатки.

Товарищи прозвали мою канаву очень важно: канал „Москва — Полус“.

„ОРЛЫ“

Не всегда в полярный день светило солнце.

Нередко оно затягивалось облаками, валил мокрый снег. Часто поднималась пурга, нашу палатку заносило снегом. Но мы на погоду не смотрели. Работали по 17—18 часов в сутки.

Нам надо было многое узнать. Какой глубины океан у полюса? Что делается на дне? Какая вода в океане и куда она течет? Водятся ли в ней животные? Куда везет нас льдина?

Вопросов было много. Ответить на них можно было только после большого труда. И мы трудились.

Мы работали у лебедки. К концу стальной проволоки Ширшов прикреплял сетку, термометр и разные приборы. Все это он опускал в прорубь, чтобы достать с самого дна воду, посмотреть, какая она и что в ней живет. Груз долго добирался до морского дна. Потом мы крутили ручку лебедки,

и поднимали его. Это была очень тяжелая работа. Шесть часов подряд мы, сменяясь, крутили лебедку. 15 минут крутят Федоров и я, 15 минут Кренкель и Ширшов. В самый лютый мороз от такой работы нам становилось жарко, мы раздевались чуть не до трусиков.

Зато мы узнали: глубина океана на полюсе — четыре километра с четвертью. Это было наше открытие. Раньше никто не знал глубины океана у полюса.

Петя Ширшов нашел в морской воде рачка-бокоплава, медуз и много других маленьких животных. Это тоже было наше открытие. Ведь раньше думали, что на полюсе никакой жизни нет. Ширшов разложил свои находки по банкам, склянкам и радовался.

Мы работали много. Зато спали потом, как убитые. Кренкель, который всегда дежурил по ночам, утром будил нас:

— Орлы, вставайте!

В ответ — могучий храп.

— Орлы, — надо ж совесть иметь!

„Орлы“ храпят, как ни в чем не бывало.

Кренкель набрасывается на нас, как лютая тигра:

— Вставайте, что я с вами церемониться буду!

Тогда мы вылезаем из спальных мешков. А Теодорыч ложится. Ведь он всю ночь не спал, сидел у радио, и каждый час выходил смотреть, нет ли трещины, не надо ли переезжать на новую „квартиру“.

Мы завтракаем и принимаемся за работу. Петя либо уходит к проруби на день, а то и на сутки, либо возится со своими скляночками. Без конца он что-то там разливает, переливает, взбалтывает, помешивает — точь в точь аптекарь!

А мы с Женей выходим „на улицу“. Надо узнать, где мы находимся. Ведь мы не стоим на месте. Наша льдина потихоньку ввозит нас от полюса, она дрейфует. Мы этого не замечаем.

нам кажется, будто она стоит на месте. Женя Федоров наставляет свои приборы на солнце и объявляет „адрес“.

— Сегодня льдина прошла пять километров!

Или десять. Или двенадцать. Наша льдина шла то быстро, то тихо.

Я всегда помогал ему. Он научил меня смотреть на небо и показал как записывать погоду. Если Женя почему-либо не сможет выйти из палатки, я за него все сделаю. Ведь надо каждый день, во что бы то ни стало, передавать по радио, какая погода у полюса.

Я радовался, что со мной послали Теодорыча, Петю и Женю. Они работают безустали. Часто по двое суток не спят, трудятся в пургу, и в дождь, и в туман. Мы привезли много интересного для науки.

Петр Петрович — большой ученый. Женя тоже настоящий ученый. Все самые важные, самые главные звезды он знает и по имени, и где какая находится, точно он их сам разложил по огромному небу...

Эрнст — замечательный радист.

С такими помощниками не пропадешь!

„ГОВОРIT ПОЛЮС“

По радио мы каждый день передавали в Москву сводку погоды. По радио мы передавали наши открытия. Это очень важно. Если с нами что-нибудь случится, наша работа не пропадет. О ней уже знают. По радио мы каждую ночь слушали „последние известия“. Это нам было вместо газеты.

По радио Москва и Ленинград устраивали специально для нас хорошие концерты. Мы надевали наушники, слушали любимые песни, любимую музыку, и сами тихонько подпевали.

По радио мы узнали, что нас выбирают депутатами в Верховный Совет. Как мы радовались, как гордились этой высокой честью!

По радио мы разговаривали с родными, с женами, с друзьями, и нам казалось, что вот они близко, рядом с нами.

Однажды Кренкель после ночного дежурства не стал ложиться. Мы удивились:

— Теодорыч, почему спать не идешь?

Он надел наушники, не слушает нас. Вдруг лицо его засияло, он улыбался, только не нам, а кому-то еще. Мы тоже схватили наушники. Слышим — детский голосок.

— Кто это, Теодорыч?

Он шепчет:

— Тише, это моя дочка!

Все понятно. Маленькая Люся говорит по радио со своим папой. Она говорила хорошо, гладко, ни разу не запнулась. Счастливый папа Кренкель долго потом не мог заснуть!

Мы очень дорожили нашим радио. Без радио мы были бы оторваны от родины, от всего мира. Никто бы про нас ничего не знал, и мы ничего бы не знали.

Поэтому мы берегли наше радио, как мать ребенка. То и дело чистили его, осматривали. Чуть что — сразу же исправляли. И радио работало хорошо.

Но иногда вдруг затихал ветер. Нет и нет ветра. Крылья ветряка замирают. Замирает и наша электростанция — не дает тока для радио. А тут надо передать статью для „Правды“. Как быть?

Мы доставали ручной (вернее ножной) мотор. Он был сделан в виде велосипеда. По очереди мы садились на седло и „катались“, крутили педали. Для того чтобы передать статью, мы два с половиной часа „катались“ и страшно уставали.

Зато наша статья во-время появлялась в газете.

Кренкелю приходилось много и тяжело работать. Когда замечательный летчик Чкалов летел через полюс в Америку, Теодорыч двое суток не снимал наушников. Мы сидели около него, волновались. Кренкель слушал:

— Чкалов летит на Рудольф.

— Чкалов над Рудольфом.

И наконец:

— Чкалов пролетел Рудольф.

Мы обрадовались. Скоро он будет над нами. Мы увидим самолет Чкалова. Валерий сбросит нам письма, газеты, журналы.

Мы, не отрываясь, смотрели на небо. Но оно, как нарочно, было сплошь закрыто облаками. Мы слышали гул чкаловского самолета, но видеть его не видели. И нас Чкалов не видел.

Я в шутку ругал Петю и Женю:

— Все от вас зависело, браточки. Не могли приготовить чистое голубое небо. А еще мастера погоды!

Когда собирался лететь в Америку Громов, мы по радио передали родным:

— Пришлите нам через Громова посылки, письма, книги — что хотите!

Мы решили нарисовать на льду яркое пятно, чтобы Громов нас заметил. Проваливаясь в снежной каше, мы тащили нарты с краской и прилежно разбрызгивали ее вениками. Сделали громадный оранжевый круг. Ждем. Кренкель сидит у радио, а мы терпеливо смотрим в небо. Прошло несколько часов. Вот-вот Громов покажется. Вдруг Кренкель заявляет:

— Слушайте, Громов передает радиogramму: „Завоевателям Арктики — привет!“

— За привет спасибо, — толковали мы, — а где же он сам? Потом мы поняли. Ведь Громову надо лететь в Америку

через полюс, а нас уже отнесло от полюса километров на двести.

Так и улетел Громов с нашими подарками в Америку.

„ДВОРЕЦ СОВЕТОВ“

Дни шли за днями. Шесть месяцев мы уже прожили на льдине. Осталось еще столько же. Но самое трудное впереди. Кончился полярный день. В октябре мы увидели солнце в последний раз. Началась долгая, холодная полярная ночь. Ведь на полюсе полгода день, полгода — ночь.

Мы оделись по-зимнему. Во „дворце советов“ стало тесно, потому что наши шубы, малицы, куртки, рукавицы, „тапочки“ занимали много места. „Тапочками“ мы называли громадные валенки с отрезанными голенищами. В такой „тапочке“ можно свободно купать годовалого младенца. На тапочки напяливались еще галоши — „пароходы“.

Одеваться при такой тесноте надо было осторожно. Мы всегда помнили: садясь в мешок, не ударься головой об угол стола. Надевая фуфайку, не опрокинь пепельницу и пузырьки Ширшова. Вытягиваясь во весь рост, берегись гайки на полке.

Но мы привыкли к нашему „дворцу“. Направо от входа — „кабинет“ Кренкеля, радиоприемники, инструменты. Налево — самодельный „буфет“. На полу ящики Ширшова с пробами воды. На ящиках закопченные кастрюли.

Вдоль стены в два этажа — койки. Между койками зыбкий стол. Над лампой — жестянка. Кренкель всегда заполнял эту жестянку звонкой промерзшей колбасой. Колбаса там оттаивала, нагревалась. Мы перещеголяли лучшие магазины: у нас была горячая колбаса в любое время. Зато с водой стало плохо.

Летом мы страдали от того, что вода везде. А зимой страдали от того, что воды нигде нет. Кругом лед, снег, а воды — ни капельки!

Мы добывали воду из снега. Чтобы приготовить обед, надо было долго растапливать на примусе снег. Поэтому мы воду экономили, берегли, редко умывались и не всегда мыли посуду после обеда или ужина...

ПРОФЕССОР ПО ВСЕМ БОЛЕЗНЯМ

Среди нас был и доктор, он же заведующий аптекой, и медицинская сестра, и профессор по всем болезням. Это был Ширшов. Петр Петрович учился „на доктора“ всего лишь несколько недель. Перед полетом на полюс он ходил в больницу, смотрел, как делают операции.

Петр Петрович был сердитым профессором. Поэтому болеть мы опасались и почти не болели. „Доктору“ пришлось нас лечить всего два-три раза.

Однажды Женья Федоров плохо себя почувствовал. Ширшов стал его выслушивать, как настоящий профессор. Мне даже надоело смотреть.

— Дышите!

Женья усердно задышал.

— Не дышите!

Женья замер.

— Скажите: а-а.

— Покажите язык!

Женья показал.

— Ну-с, так, — сказал „профессор“, — одевайтесь. Все ясно. Надо банки. Немедленно.

А банки нам дали огромные, в стакан величиной.

„Профессор“ развел страшный факел, чуть не спалил палатку. Сунул факел в банку и приложил ее к спине Жени.

Кожа у бедного Федорова втянулась до самого дна банки. „Профессор“ поставил вторую. А на третью у Жени кожи на спине нехватило. Она вся втянулась в банки.

Как-то у меня заболела спина. Я говорю:

— Профессор Ширшов, что-то мне трудно дышать.

Петр Петрович взял докторскую трубку, послушал с важным видом:

— Иван Дмитриевич, у тебя внутри что-то хрипит. Надо натереться скипидаром.

Раз доктор говорит, значит — надо. Я разделся, лег на оленьи шкуры. Ширшов налил себе на руки скипидару. А руки у „профессора“, признаться, были не первой чистоты — в копоты, в масле... Вот он стал растирать меня. Что такое? От скипидара руки у „профессора“ стали чистые, зато у меня спина стала полосатая, как у зебры.

Все-таки он меня вылечил.

Когда нас выбирали в Верховный Совет СССР, ребята на родине Ширшова, в городе Днепропетровске, распевали:

Все — большие, детвора, —
Голосуйте за Петра,
За Петра Петровича,
За Ширша Ширшовича.

Нам рассказали об этом по радио, и мы стали величать Петю по новому: „профессор Ширшович“.

„Профессор“ и сам любил стихи.

Однажды я видел: посреди палатки стоит „Ширшович“. Перед ним Веселый. Ширшов с жаром декламирует:

Что может сравниться
С твоими глазами,
Мой пес.

Я вижу, я знаю,
Ты тронут
До слез, —

и после каждой строчки угощает Веселого колбасой. Веселый восторженно виляет хвостом, радуется и сразу видно, что стихи Ширшова ему по вкусу...

МЕДВЕДИ

Веселый был настоящий полярник. Он устраивал свои „базы“ — закапывал в снег остатки своей еды. Он был умный, толковый пес, только слегка вороватый. Частенько он забирался на наши склады. Я его один раз поймал: озираясь, он откапывал мясо. Я с ним, признаться, не стал церемониться и отлупил как следует:

— Не смей сюда ходить!

Что же он сделал? Пока били, он терпел. А потом обошел кругом километра на полтора, чтобы следов не было, и опять забрался в склад.

Пришлось его привязать к нартам. Но это было тоже плохо. Вот что однажды у нас случилось.

Как-то ночью Кренкель вышел из палатки и вдруг как закричит нечеловеческим голосом:

— Медведи! Медведица и два медвежонка! Скорей вставайте!

Мы уже спали. Но тут мы оделись в три счета, выскочили. Видим: Эрнст стреляет в косолапых, а те удирают во всю прыть. Поди, лови их за хвост!

Что тут было с Веселым! Он выл, рвался, метался, тянул за собой тяжелые нарты. Я быстро отвязал его. Он пулей понесся к медведям, но пока мы подбежали, их уже и след простыл.

Мы вернулись в палатку. А Веселый долго еще носился по льдам. Прибежал только через три часа. И все скулил, жаловался, терся у ног, точно он виноват, что упустили медведей.

— Разучились мы охотиться, братки! — сказал я.

— Да, — отозвался Петя, — сейчас не плохо бы поестъ свежей медвежатины!

Теодорыч усмехнулся:

— Убили, не убили, это неважно. Важно, что мы видели медведицу, да еще с медвежатами!

Мы стали рассуждать. Если здесь водятся медведи, значит и нерпы должны быть. Ведь медведи ими питаются.

И верно. Через несколько дней я увидел в трещине нерпу. Ну, думаю, полакомимся нерпичьей печонкой. Выстрелил, попал. Но убитую нерпу унесло течением под лед. Экая досада!

Попадался нам и морской заяц — лахтак. В этом „зайчике“ добрых 18—20 пудов. Однажды я много часов просидел с ружьем у трещины, терпеливо ждал зайца, мечтал: „Вот зайчик покажется, буду угощать товарищей свежей зайчатинкой!“

Долго ждал, весь продрог, но глупый „заяц“ так и не показался.

Я утешал себя:

— Не беда! Зато мы сделали важное открытие: раньше думали, что на полюсе никакой жизни нет. Даже знаменитый Нансен так думал. Но он ошибался. Сколько всякой „живности“ мы уже здесь видели! Петя каждый день достает из морских глубин разных мелких животных. К нам прилетали птицы: чайки, пуночки, чистики... Мы видели лахтака, нерпу, медведей...

Жизнь на полюсе есть! Так и запишем!

Я вернулся в палатку, сел писать дневник. Как начальник станции „Северный полюс“, я каждый день записывал все, что случалось. Иногда от усталости после работы перо вываливалось из рук, но все равно я писал. Пока не запишу, спать не лягу.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

Седьмого ноября мы вместе со всей страной праздновали двадцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции.

Засверкали бритвы, мыльная пена покрыла лица, запахло одеколоном. Мы впервые помылись как следует. Вечером мы, чистенькие, сидели за праздничным „столом“. Стол ломился от яств. Чего там только не было! И два сорта конфет, и сгущенное молоко, и сыр, и лепешки, и даже кусочек торта, который мы берегли к празднику.

Пировали до пяти утра. Легли спать. Но в 9 часов мы все снова были на ногах. Быстро напились чаю. Скорей — к радиоприемнику, скорей слушать родную Москву.

Десять часов. И вот мы слышим бой часов на Спасской башне. Мы молча улыбаемся друг другу.

— Тише! — шепчет Кренкель. — Ворошилов выезжает!

Нарком выезжает на площадь. Мы даже слышим цоканье копыт его коня. Вот Ворошилов объезжает войска. Ура-а... Играл оркестры, грохочут танки, шумят самолеты...

Тускло горит лампа, в палатке температура ниже нуля, а мы сидим закутанные, слушаем передачу из Москвы, и нам кажется, будто мы вместе со всеми на Красной площади.

Потом мы устроили свою демонстрацию. Впереди шел я с флагом СССР. За мной с винтовками двигались Ширшов, Кренкель и Федоров.

Мы прошагали под знаменем с портретом товарища Сталина. Я сказал короткую речь:

— Мы далеко. Но мы не оторваны от родины. Нас любят и нас помнят. Здесь, на дрейфующей льдине, вместе со всем нашим великим народом мы празднуем радостную годовщину.

Вспыхнула ракета, загрохотали выстрелы. Это был наш салют в честь праздника.

Неплохо отпраздновал и Веселый. Мы пригласили его в палатку, каждый дал ему по сосиске, он наелся, улегся на шкуры и заснул.

А мы долго сидели у радио, прислушиваясь к далекой и любимой Москве, где в это время была народная демонстрация.

„ТРОЛЛЕЙБУС“

Нас называли богатырями. В радиogramмах мы читали:

„Наши богатыри на Северном полюсе...“

„Наши полярные богатыри смело дрейфуют...“

Товарищи смеялись над моим небольшим ростом:

— Хорош богатырь! Сознайся, Митрич, когда выступаешь на трибуне, под ножки ящик подставляешь?

В конце концов мы решили на самом деле подобрать себе богатырские имена. Кренкеля — самого высокого — назвали Илья Муромец, Ширшова — Алеша Попович, Федорова — Соловей Разбойник. А меня назвали лучше всех: Руслан и Людмила.

Однажды в метель два „богатыря“ — „Руслан и Людмила“ и „Илья Муромец“ — отправились к трещине. Там, за целый километр от палатки, мы изучали воду, ловили сеткой морских животных... Был ветер. Глухая темень. Мы кое-как добрались до трещины, ошупью проверили приборы Ширшова

и повернули обратно, против ветра. Пурга бушевала. Свет карманного фонарика не мог пробить стену снежинок.

Мы шли, шли, а палатки все нет. Мы брели то против ветра, то по ветру, натыкались на незнакомые льдины, спотыкались, падали, поднимались, опять падали. Прошло часа три. Мы выбились из сил. Хотелось спать.

— Скучноватая картинка получается, Илья Муромец, — говорю я Кренкелю. — Мы ведь заблудились.

Кренкель старается говорить спокойно:

— Сам, кажется, говорил: „дрейфовать, но не дрейфить“. Давай, „подрейфуем“ еще немного.

Опять побрели. Вдруг я зацепился ногой за доску.

Скоро мы наткнулись на палатку. Ох, и хорошо было отогреться в ней после беспокойной ночи.

Утром я понаставил столбиков и протянул на них длинную веревку от трещины до палатки. Теперь заблудиться нельзя.

— Вот это хорошо, — сказал Ширшов, — теперь у нас, как в порядочном городе, есть своя троллейбусная линия.

И четыре „троллейбуса“ — я, Кренкель, Ширшов, Федоров — отправились вдоль новой линии к трещине крутить лебедку, изучать глубины Северного океана...

БУРЯ

В работе незаметно бежало время. Наступал новый, 1938 год.

Мы устроили генеральную уборку. Теодорыч приготовил из снега две кастрюли воды. Мы вымыли головы, побрились, причесались. Я подстриг „косы“, выросшие у Кренкеля.

Большая Земля по радио поздравляла нас с новым годом. Я достал орехи, шоколад, сыр... Каждому выдал по 35 кон-

фет „Мишка на севере“. Новогодний „бал“ прошел очень хорошо. Только, конечно, елки не было...

В середине января мы увидели красивую зарю. Значит, полярная ночь кончается. Мы обрадовались! Все-таки полярная ночь плохо на нас действует. Мы мало кушаем, плохо спим. Скорей бы солнце! А пока стоят злющие морозы. Пурга все свирепствует!

Наш „дворец советов“ засыпает снегом доверху. Веселый свободно разгуливает по его крыше. Он очень не любит пурги. Как только пурга завоет, наш Веселый начинает визжать, пурга утихнет—умолкает и Веселый.

Но утихала она редко. Часто бывала такая буря, что за два шага не видать друг друга. В такую метель не выйти из палатки. Но ведь Жене Федорову надо работать в ледяном домике. Там у него все приборы.

Тогда мы придумали. Взяли заступы, лопаты и вырыли в снегу длинный ход. Получился туннель. Очень похоже на метро, только не подземное, а подснежное. Теперь в самую злую бурю Женя уходит к себе заниматься.

Но не всегда он мог работать. Нашу льдину толкало так, что все его приборы вздрагивали.

Буря гнала льдину все быстрее. Нас несло на юг, к берегам. Даже неудобно стало говорить, что мы на Северном полюсе. Льдину отнесло далеко от полюса.

Мы начеку, насторожены, как зайцы. А вдруг льдина ударится и расколется? Вдруг оторвется продовольственная база? Мы не трусим, просто не хотим, чтобы опасность застигла нас врасплох.

Я приготовил нарты, собрал все необходимое. Спать стали по очереди.

Но настроение у всех было бодрое.

Нередко Петя Ширшов декламировал нам из Маяковского:

Сдавайся, ветер вьюжный,
Сдавайся, буря скверная, —
Открою

 Полюс
 южный,
А северный
 наверное.

Снег с шумом падал на крышу палатки. Порой мне казалось, будто мы лежим в барабане. На улице вой, стон, треск, будто стреляют из пушек или трещат моторы больших самолетов. В любой момент льдина может разбиться или перевернуться и потянуть нас за собой. Но братки не унывали. Все мы много в жизни видели опасного и всегда побеждали. Победим и здесь.

ПОЛОСОЧКИ

Наступила памятная ночь — ночь на первое февраля. Мне не спалось. В бурю я всегда плохо спал, все прислушивался, не ломается ли льдина. А буря бушевала уже шестые сутки.

Кренкель дежурил и тоже не спал. Вот он говорит:

— Что, Дмитрич, не спится? Давай сыграем.

— Давай!

Расставили шахматы, засели.

За палаткой воет ураганный ветер. Снег барабанит по стенкам. Петя и Женя спят. Кренкель наступает, я обороняюсь изо всех сил. Мы засиделись. Часов в пять вдруг слышим — палатка трещит!

— Слышишь, Теодорыч?

— Слышу, Дмитрич! Иди, твой ход!

— Постой, тут не до хода. Пойду, посмотрю, в чем дело.

— Сиди, Дмитрич, я выйду!

Он вышел, а я не знаю, что делать: то ли ход обдумывать, то ли товарищей будить? Кренкель вернулся, стал смахивать с себя снег.

— Ничего не видать, тьма, — он подсел к доске, — все в порядке, играем дальше.

Я сделал ход. Тут палатка опять затрещала. Значит, не все в порядке. Я стал будить Петю и Женю:

— Вставайте, ребятки, что-то наша палатка нехорошо трещит. Женя высунул голову из мешка, прислушался:

— По-моему, Дмитрич, это просто снег оседает.

А Ширшов говорит:

— Пойду, посмотрю. У меня глаза лучше, чем у вас.

Он живо оделся и вышел. Ходил, ходил, потом вернулся и сказал спокойно:

— Это не снег, это наша льдинка отказалась нас дальше везти. Везде тонкие трещины, как черные змейки!

Тут мы все вчетвером вышли с фонарями наружу. Ветер ударил в лицо, валит с ног, сыплет снегом в глаза.

Кружки света упали к ногам, и мы увидели—наша льдина покрылась полосочками, точно ножом ее изрезали.

— Кто-то сглазил нашу льдину, — сказал Теодорыч. — Пойдемте, выпьем по стаканчику чайку горяченького, обсудим, как быть.

Мы вернулись в палатку, развели примус. Пока грелся чайник, Петя вышел еще раз посмотреть на полосочки. Скоро он прибежал и говорит:

— Товарищи, наши „полосочки“ разошлись, стали вот такими, в пять метров шириной.

Мы потушили примус и все вышли на лед. Трещина была не одна. Там, под антенной, мы увидели вторую, потом третью. Одна из них подползла под нашу палатку. Наше ледяное поле расколосось на куски...

— Браточки, когда обходите лагерь,—сказал я,—глядите в оба, не провалитесь в трещину. Если с кем из вас что случится, считайте, что двое пропали—мне тогда тоже не возвращаться. Ведь я отвечаю за вас всех.

В Москву мы послали радиogramму:

„Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом. В случае обрыва связи просим не беспокоиться. У нас будет все в порядке“.

НА ОБЛОМКЕ

„Льдинка“ все крошилась. Трещина под нами расширялась. Палатку стало заливать.

— Братки, пора переселяться,—сказал я,—в этой квартире оставаться опасно.

Мы покинули наш „дворец советов“, в котором дружно прожили восемь месяцев, и устроились в шелковой палатке.

Теперь мы жили на обломке величиной с футбольную площадку. Вместе с льдинами оторвались и наши продовольственные базы. Однажды Женя и Петя увидели, что некоторые из них дрейфуют среди обломков льда. Мы взяли нарты. Как акробаты, перепрыгивали с льдины на льдину и спасали наше имущество и продовольствие. Теперь нам хватит питания на три месяца.

Мы видели, как плавали наши бидоны с керосином, но спасти их не могли. Мы видели, как среди обломков плавает наша лебедка. Ее тоже нельзя было достать.

Пурга все продолжалась. Ураганный ветер сорвал шелковую палатку. Мы выстроили домик из снега. Все наше продовольствие и имущество сложили на нарты. В минуту опасности их легко перебросить с места на место.

Тяжелое было время. Мы на обломке, а кругом вода, покрытая снегом. Провалишься — товарищи не услышат из-за ветра, не увидят и не найдут в темноте. Тогда по краям нашего обломка мы поставили черные флажки. Это для дежурных, чтоб они не провалились, когда обходят лагерь.

Волновались ли мы? Конечно, немножко волновались. Но мы знали: что бы ни случилось, наша родина не оставит нас в беде.

Мы слушали радио. Вот сквозь льды и штормы к нам спешит маленький „Мурманец“. Вот вышли ледокольные пароходы „Таймыр“ и „Мурман“. Вот вышел в открытое море большой ледокол „Ермак“. Все они спешат к нам на выручку. Помощь близка. Так не будем же унывать! Все в порядке! Работа станции „Северный полюс“ продолжается!

В назначенное время Эрнст передавал сводку погоды, Женя следил за тем, куда несет нас обломок льдины. Петя, как всегда, изучал океан.

Однажды Женя вбежал в палатку, закричал:

— Вылезайте! Медведи пришли!

Эрнст не поверил:

— Ладно! Ладно!

— Скорей! Честное слово!

Я схватил ружье, выскочил из домика. Верно — медведи! Целая тройка!

Веселый заливался, лаял, путался среди косолапых. Я боялся, что пули попадут в него.

Прицелился, давай стрелять. Всех трех уложил. И Веселого не задел.

Я наварил огромную кастрюлю медвежатины. Сели обедать. Братки все подставляют тарелки:

— Мне, Дмитрич, побольше!

— Мне полней!

— Мне еще порцию!

Я думал, что хватит медвежатины дня на четыре, а братки всю кастрюлю в один день очистили.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ...

Третьего февраля мы впервые после многих месяцев увидели солнце. Красное, большое, оно выглянуло из-за горизонта. Мы обрадовались.

Но еще больше мы обрадовались, когда однажды ночью увидели вдали луч прожектора.

Первый его заметил Кренкель. Мы уже спали. Эрнст хотел было нас разбудить, но подумал: а вдруг это просто звезда, ребята меня тогда засмеют. Но звезда становилась все светлей, все ярче. Теодорыч решил: нет, это не звезда, это прожектор советского корабля! И давай нас будить:

— Товарищи, товарищи, смотрите, что там светится!?

Мы вышли, посмотрели.

Ура! Помощь совсем близко, там, за льдами.

Я завел патефон. Мы слушали любимую песню:

Широка страна моя родна-ая...

А потом к нам прилетел самолет. Первый самолет за девять месяцев! Летчик ловко посадил машину на лед. Я побежал к нему. Это был Власов. Мы обнялись, расцеловались. От волнения оба не могли говорить. Только жали друг другу руки и все обнимались.

Власов привез нам письма, мандарины, пиво, и улетел показывать кораблям дорогу к нашей льдине.

Утром мы в бинокль увидели: далеко за льдами темнеет дымок. Это пароходы. Они разводьями идут к нам. Женя и Петр Петрович побрились, потом стали пересматривать нарту

с тетрадами. Эта нарта нам дороже жизни. Здесь 52 килограмма исписанной бумаги. В этих тетрадках раскрытые тайны Северного океана и Северного полюса. Это наш подарок науке, нашей родине!

„Таймыр“ и „Мурман“ подошли к нашему обломку. Восемьдесят человек с парохода бежали к нам с красным знаменем. Мы вчетвером пошли к ним навстречу. В море, у берегов безлюдной Гренландии, встретились советские люди. Моряки хотели было броситься к нам, обнять нас... Но начальник экспедиции Остальцев скомандовал:

— Смирно!

Он подошел ко мне, вытянулся:

— По распоряжению правительства, корабли „Таймыр“ и „Мурман“ прибыли в ваше распоряжение! Жду приказаний!

После этого нас стали обнимать, целовать и качать. Каждый старался взять что-нибудь на память. У меня оторвали кусок куртки. У Кренкеля кусок штанов. Брали на память консервы, шоколад, промерзшие, твердые, как кирпич, книги.

Сами берут и просят:

— Подари чашку!

— Сделай надпись на книжке!

— Подари бульонный кубик!

Я им сказал:

— Берите все, только научные записи не трогайте.

Тут начались споры — на какой пароход нам пойти. Таймырцы говорят:

— Идите к нам, у нас для вас каюты шелком обиты, чистая ванна приготовлена.

А мурманцы отводят нас в сторону и, посмеиваясь, шепчут на ухо:

— Не ходите на „Таймыр“, там у них клопы.

Куда же пойти? Решили бросить жребий. Написали записочки, положили в шапку, внимательно следили, чтобы жульничества не было.

Мы с Кренкем вытянули записки с надписями „Мурман“, Ширшов и Женя — „Таймыр“.

Веселый, конечно, пошел на „Мурман“ вместе со мной. Моряки спрашивали:

— Иван Дмитриевич, с кем же Веселый в Москве жить будет?

Я ответил:

— Мы решили подарить его дочке Сталина — Светлане. Все наше имущество перенесли на корабли.

Я подошел к Кренкелю:

— Теодорыч, передай последнюю радиограмму.

Кренкель передал рапорт товарищу Сталину о том, что работа станции „Северный полюс“ кончается. Вот последние слова рапорта:

„КРАСНЫЙ ФЛАГ НАШЕЙ СТРАНЫ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗВЕВАТЬСЯ НАД ЛЕДЯНЫМИ ПРОСТОРАМИ“.

Все. Можно сниматься.

Кренкель выстукивал:

— ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ, 19 ФЕВРАЛЯ 1938 ГОДА 16 ЧАСОВ. РАБОТУ СТАНЦИИ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС КОНЧАЮ.

Он оборвал провода. Мы пошли к пароходам.

Я вернулся, еще лучше укрепил флаг, чтоб его не сорвало ветром, и догнал остальных.

Прощай, льдина!

МОСКВА

За девять месяцев мы впервые помылись как следует. За девять месяцев мы впервые сбросили с себя шкуры, меха и переоделись в хорошие костюмы. За девять месяцев мы

впервые лежали не в меховых мешках, а на прекрасных кроватях, в теплых каютах.

Матросы заботились о нас, точно о маленьких.

— Папанин, не хотите ли покушать? Кренкель, не хотите ли попить? Не мешает ли вам музыка? Удобно ли вам в каюте?

Когда мы спали, мимо наших кают ходили на цыпочках.

Потом мы пересели на ледокол „Ермак“. Там о нас заботились не меньше.

Наконец, после многих дней плавания, мы увидели советские берега. Мы ступили на родную землю. В Ленинграде нас встретили сотни тысяч людей.

Так встречать своих братьев может только могучий, свободный народ. Словами об этом не расскажешь.

Но вот — Москва.

Москвичи заполнили улицы.

— Папанинцы! Привет папанинцам! Ура папанинцам!

Цветы, музыка, цветы... Мы едем в Кремль...

Раньше я Сталина видел только издали, а вблизи — никогда.

Я волнуюсь, даже мурашки проходят по телу. Я иду впереди со знаменем, а родные браточки за мной. Мы вошли в большой зал. И вот я вижу Сталина, Молотова, Ворошилова...

Я подошел к товарищу Сталину:

— Дорогой, горячо любимый, родной наш Иосиф Виссарионович! Разрешите вам доложить, что задание нашей родины по изучению полюса выполнено с честью!

И тут наступила минута, которую я никогда не забуду: Иосиф Виссарионович обнял меня и крепко поцеловал.

Волнуясь, я вручил ему красное знамя. Это знамя было с нами там, на Северном полюсе...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Няврамыт нупыл	5
Сэмыл палатка	10
Минэв!	16
Полюс тот та нангки	20
Зимовка овылтахтыс	23
„Москва — Полюс“ канал	27
„Юсвоит“	30
„Полюс потырти“	35
„Советыт дворец“	40
Пусын агмыт ванэ профессор	43
Торевыт	47
Яныг ялпынг хотал	51
„Троллейбус“	54
Похрем	57
Янгк салмрисит	61
Янгк ломт тармыл	65
Пусынн, пусынн, пусынн.	69
Москва.	75
Приложение. Русский текст	79

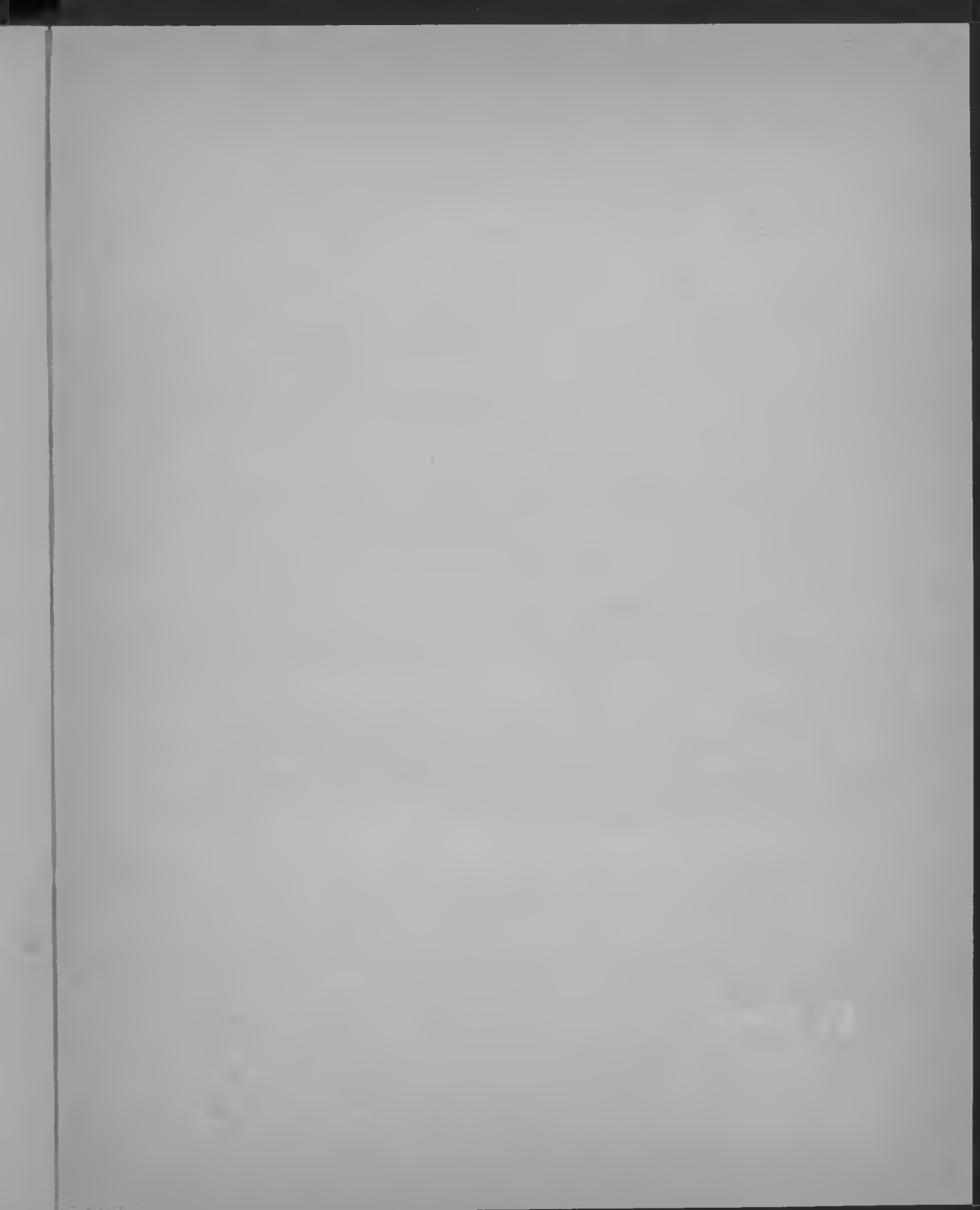
Книг. № 18

Ц. 1940 г. Акт № 77½ Вкладн. л. _____

Ответственные редакторы
В. Н. Наумова и И. Я. Чернецова.
Технический редактор *И. С. Берникова.*
Корректор *П. И. Кудряцева.*

Сдано в набор 10/X 1939 г. Подписано
к печати 8/VII 1940 г. Формат бумаги ~~70x93/16~~
Учпедгиз № 12718. Печ. листов ~~7 1/2~~+5 вклеек.
Бум. листов 3 3/8+5 вклеек. Уч.-авт. лист. 6,61.
М 3104 Тираж 600 экз. Заказ № 4171:

Типография Лениздата № 3 им. Коминтерна.
Ленинград, Красная ул., 1.

40907

Цена 2 р. 50 к.

Иман.
ПЗ-4

И. И. ПАПАРИН "По полюсу"
в МАНСКОМ АЭРО